

Серия

«Огненная земля»

Премия им. Томаса Майна Руда

РАМЗАН САМАТОВ

**АМУРСКИЙ
СОКОЛ**

«Огненная земля» премии им. Томаса Майна Рида

Рамзан Саматов

Амурский сокол

"Издательство "Интернационального союза писателей"

2023

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Саматов Р.

Амурский сокол / Р. Саматов — "Издательство
"Интернационального союза писателей", 2023 — («Огненная
земля» премии им. Томаса Майна Рида)

ISBN 978-5-6049095-3-9

Молодой амурец Сергей Лысенко успешно оканчивает гимназию. Впереди светлая, обеспеченная жизнь у крёстного отца в Харбине. Но судьба вносит свои коррективы... Российская империя перестает существовать – в Петрограде революция, начинается Гражданская война. Благовещенск под угрозой оккупации японцами. Нужен человек, который вывезет из города золотой запас Дальнего Востока. Выбор падает на Сергея. Он не по годам дерзкий, волевой, хорошо подготовленный физически. Но справится ли он?

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-6049095-3-9

© Саматов Р., 2023
© "Издательство "Интернационального
союза писателей", 2023

Содержание

Предисловие	6
Восстание	8
Часть 1. Ясный сокол	12
Глава 1. Никодим	12
Глава 2. Марья	16
Глава 3. На китайской стороне	20
Глава 4. Марья и Никодим	24
Глава 5. В тайгу	28
Часть 2. Тайга – учитель	32
Глава 1. Пожар	32
Глава 2. Беглые каторжане	37
Глава 3. Встреча в лесу	40
Глава 4. Политкаторжане	44
Глава 5. Закон – тайга, медведь – хозяин...	49
Глава 6. Охота на людоеда	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Рамзан Саматов

Амурский сокол

© Р. Саматов, 2023

© Интернациональный Союз писателей, 2023

* * *

Предисловие

Высокий, ясный, достойный

Тринадцать с четвертью авторских листов – объём довольно небольшой, хотя по нынешним временам и наиболее востребованный издателями. Однако написать в таких рамках полноценный роман, который предполагает не только много персонажей, но и несколько сюжетных линий, довольно сложно.

И всё же Рамзан Саматов с этой задачей мастерски справился. Перед нами настоящий, полноценный роман. Достигается это невероятной плотностью текста, насыщенностью его фактической информацией, яркими образами, неожиданными коллизиями.

Да, это роман. Причём ещё и остросюжетный. Причём ещё и исторический. И место действия выбрано очень интересное – Приамурье, русский Дальний Восток, граница с Китаем, недалеко Япония. Обращение к тематике, связанной с этим регионом, сегодня невероятно актуально. В наши дни Россия словно бы заново открывает для себя восточную часть страны. Она по-новому осваивает её, как осваивали в XVIII – XIX веках наши предки. И в советские-то времена, когда цены на авиаперевозки по отношению к средней зарплате были намного гуманнее, Дальний Восток ассоциировался разве что с огромными крабами и тиграми в Сихотэ-Алинском заповеднике, изображёнными на марках почты СССР. В постперестроечные времена связи нарушились совсем, даже крабы все ушли на экспорт в Японию и Китай...

Сейчас пришло время всем россиянам – и по эту сторону от Урала, и по ту – почувствовать и осознать, что мы одна страна.

И увлекательная книга Рамзана Саматова способна этому поспособствовать в большей степени, чем многочисленные громкие призывы и газетные статьи. То, как красочно и выразительно автор «Амурского сокола» описывает Сибирь и Дальний Восток, способствует их популяризации гораздо сильнее, чем все рекламные ролики вместе взятые. Такова сила художественного слова! Коим Саматов, несомненно, владеет.

Время действия выбрано тоже удачно: два первых десятилетия XX века. Это и национальные восстания в Китае, и русская революция 1905 года, и время царской реакции, и Октябрьская революция, и Гражданская война...

Главный герой романа – Сергей Лысенко, – как принято говорить, ровесник века. Приём не новый, но беспримысленно эффектный. Да и начинается своё повествование автор так же решительно и эффектно: «Мирная жизнь в приграничном Благовещенске закончилась пятнадцатого июля тысяча девятисотого года, в семь часов жаркого вечера, когда с китайского берега Амура прогремел пушечный выстрел, затем такой же второй, третий, четвёртый...»

Это начиналось Боксёрское восстание. Возможно, кто-то вспомнит – в школьном учебнике по новейшей истории о нём кратко говорится как об одном из национально-освободительных восстаний. Но Рамзан Саматов показывает, какой реальной трагедией оно обернулось сначала для русских, а потом, когда было жестоко подавлено, – и для китайцев.

В этот ужасный день и рождается на свет Сергей... И тут же теряет всех близких.

Его зовут ясным соколом, потому что, как пишет в примечаниях автор, «имя происходит от римского родового имени Сергиус: высокий, достойный, почтенный, ясный». Отсюда и название романа.

Вот такая завязка! Вот такая экспозиция. Уже в первой главе читателю предлагается большой объём уникальных сведений! Их будет ещё много...

Дальше автор рассказывает о взрослении Сергея, о его участии в гражданской войне в Приамурье, о противодействии Японии, о разведывательной и контрразведывательной работе. Среди приключений, выпавших на его долю... а точнее, деяний, совершённых им, немало

поистине героических. Писатель постепенно придаёт простому на первый взгляд россиянину, жителю Приамурья, черты легендарного воина. Роман, предельно реалистичный и изобилующий многочисленными бытовыми и историческими подробностями, превращается в эпическое полотно.

Рамзан Саматов не новичок в литературе, у него есть и другие произведения, связанные с военной темой: «Путь Воина», «Агент русской разведки». Точнее, сверхидея его литературного творчества связана с темой Воинов. И это не случайно, потому что он и сам тоже Воин, к тому же ещё и Врач. Да-да, военный врач. Прочтите его биографию на задней стороне обложки и убедитесь.

Батальные сцены, описанные им, живописны и пронзительны. При этом не менее живописны, завораживающе красивы его описания дальневосточной природы – лесов, рек, гор, животных. Чего стоит только глава об охоте на медведя-людоеда!.. Да, зло не всегда от людей, но от людей всё же зла больше...

Хороша, старательно продумана и прописана также общая композиция романа. Автор мастерски использует приём «рондо» – кольцевую структуру. Не знаю уж, делает он это осознанно или следуя писательскому чутью, но выходит великолепно! Последняя глава так и называется: «Замыкая круг». Действие происходит в 1921 году... Но пересказывать финал я не буду – читайте сами. Скажу лишь, что он вас порадует.

Однако развязка романа «Амурский сокол» не выглядит финалом истории Сергея Лысенко, ясного сокола. Исподволь напрашивается продолжение.

Ну что ж, поживём – увидим!

*Андрей Щербак-Жуков,
поэт, прозаик, критик*

Восстание

* * *

Мирная жизнь в приграничном Благовещенске закончилась пятнадцатого июля тысяча девятисотого года, в семь часов жаркого вечера, когда с китайского берега Амура прогремел пушечный выстрел. Затем такой же второй, третий, четвёртый...

Обстрел производили отряды «гармонии и справедливости». Так себя называли китайские повстанцы ихэтуани, решившие в конце уходящего девятнадцатого века положить конец засилью иностранцев и их вмешательству во внутренние дела своей страны. Особенно болезненно воспринимало такое положение дел население северных провинций Китая. Из-за строительства железных дорог, развития почтовой службы и наплыва чужих товаров многие остались без работы. Источник пропитания потеряли носильщики, лодочники, посыльные, тысячи людей, занятых извозом. Более того, согласно проекту Маньчжурская железная дорога должна была пройти по полям, кладбищам и домам местных жителей и тем самым окончательно обездолить обнищавшее население¹.

В обстановке всеобщего недовольства появились стихийные группы восставших, нарекавшие себя по-разному: то «Союз больших мечей», то «Союз справедливых», то «Кулак во имя справедливости и согласия». Наиболее многочисленными стали Отряды справедливости и гармонии – Ихэтуань. Бойцы отрядов совершенствовали физические навыки в единоборствах, напоминающих европейский бокс, и поэтому их называли «туань» – «кулаками», а ещё – «боксёрами». Само же восстание вошло в историю под названием «Боксёрское»².

Когда ихэтуани внезапно обрушили на Благовещенск шквал огня, многие не поддались панике, нашлись добровольцы, решившие вместе с войсками гарнизона держать оборону. Большая часть жителей вынужденно укрылась в домах. Среди них была и тридцатилетняя прачка губернатора Грибского – Евдокия Павлова, в девичестве Лысенко. Она находилась в интересном положении, забеременев от губернаторского сынка.

Роды начались на исходе второй недели массированного обстрела. Отчаянные стоны роженицы заглушали звуки взрывов. А когда ребёнок Евдокии – весьма крупный мальчик – возвестил о своём появлении на свет громким криком, с противоположного берега Амура был выпущен снаряд, который, преодолев семьсот двадцать шесть метров, упал напрямик во двор дома Грибского.

Евдокия, обескровленная тяжёлыми родами, едва нашла в себе силы взглянуть на новорождённого, затем перекрестила его, поцеловала в лоб и протянула китайской повитухе заранее приготовленную записку с мужским именем.

– Ликин, дорогая, ради нашего Бога, береги Серёженьку... Ох-х-х... Ох-х-х... – простонала Евдокия, тяжело и часто дыша. – Я уже не жилица на этом свете... Отнеси в церковь, окрести его.

Тут во дворе прогремел очередной взрыв, и Ликин, маленькая изящная китаянка в русском сарафане, вжала голову в плечи. Дом содрогнулся от взрывной волны, а на улице послышались истошные женские крики: «А-а-а... Убили! Господи! Убили!»

¹ Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД; до 1917 года – Маньчжурская дорога, с августа 1945 года – Китайская Чанчуньская железная дорога, с 1953-го – Харбинская железная дорога) – железнодорожная магистраль, проходившая по территории Маньчжурии и соединявшая Читу с Владивостоком и Порт-Артуром.

² Боксёрское восстание – восстание ихэтуаней (буквально – «отряды гармонии и справедливости») против иностранного вмешательства в экономику, внутреннюю политику и религиозную жизнь Китая в 1898–1901 годах.

Ликин подскочила к окну, перекрестилась – она была христианской веры – и, встав на цыпочки, попыталась рассмотреть происходящее во дворе. Но маленькое мутное окошко полуподвального помещения, где проживала прачка Дуся, не позволило ей ничего увидеть. Вернувшись к постели роженицы, Ликин взяла руку Евдокии в свои маленькие и узкие ладошки.

– Сто ты говоришь, Дзуся?! Наса Бозенька не позволица дзицё осацца без мамы. Надзо молицца, Дзуся!

Она достала из корзины плачущего младенца и положила рядом с матерью.

– Дзай грудзь, Дзуся! Пускай мальсика попробуец мацеринское молоко... О Бозе!

Ликин снова перекрестилась, заметив, что «Дзуся» уже не дышит.

Заново уложив малыша в корзину, она метнулась к столу за кружкой. Аккуратно высвободила груди из одежды усопшей, нацедила молока, отметив про себя: «На первое время хватит». Затем скрутила чистую тряпочку и, смочив в грудном молоке, сунула притихшему ребёнку в рот. Тот довольно зачмокал.

Ликин обернулась к красному углу, истово перекрестилась три раза, затем сняла один образок и поцеловала. Осторожно подошла к Дусе, сложила её руки на животе, приладила к ним образ Богоматери. Немного подумала о своём, помолилась и, кинув взгляд на корзину с ребёнком, вышла во двор.

Там, рядом с убитым кучером, копошились дворовые. Оказалось, вместо того, чтобы вместе со всеми спрятаться от обстрела, Пётр решил остаться около своих лошадей. Вот и получил в висок осколком снаряда.

Ликин сразу заметила в скоплении людей конюха Никодима – высокого дородного мужика, невероятно сильного, судя по бугрящимся мышцами рукам и ногам.

– Никодзи-и-им! – тонко крикнула она. Тот обернулся. – Подзь сюдза!

Ликин довольно сносно говорила по-русски и вообще любила всё русское, даже одежду. Только неистребимый акцент да раскосые глаза выдавали в ней китайянку.

Никодим нехотя оторвался от оживлённого разговора и, по своему обыкновению, медленно двинулся по направлению к ней.

– Чего тебе, Ликин? – пробасил Никодим степенно.

Он относился к китайянке с особенной теплотой. Немалую роль в этом играла искренность, с которой она приняла православную веру.

– Никодзи-им! – сказала Ликин взволнованным шёпотом, округляя, насколько это было возможно, раскосые глаза. – Дзуся умерла!

Никодим снял шапку, перекрестился и, задумчиво почесав затылок, спросил:

– Как это?! Я же с утра её видел во дворе. Здоровая была. Ну, разве што пузатая...

– Воц! Пузатая была. Цеперь нец. Родзила мальчика. А сама умерла. Надзо похорониць её по-христиански, Никодзим! Бацюшку позваць.

– Ну да, ну да... – Никодим опять почесал затылок. – Вместе с Петром и отпоют...

В это время из открытой двери донёсся плач ребёнка и Ликин, по-бабы ойкнув, убежала в подвал.

Никодим посмотрел ей вслед, надел шапку, затем снял, перекрестился и, снова надев, зашагал в сторону хозяйского дома – доложить. Помимо обязанностей простого конюха, он ведал всеми хозяйскими делами на подворье губернаторского дома: медлительность сочеталась в нём с расторопностью и способностью работать без усталости.

Губернатор Благовещенска в это время принимал начальника полиции города. Тот сообщал, что участились погромы в китайских кварталах в связи с провокациями ихэтуаней.

– Есть случаи грабежей и убийств, – услышал Никодим обрывок разговора, переступив порог кабинета.

– Что тебе надобно? – спросил его генерал-лейтенант Грибский.

– Константин Николаевич, у нас во дворе двое Богу представились. Надось распорядиться насчёт похорон.

– Ой, не до тебя сейчас, Никодим. Разберись сам. Видишь, что творится!.. А кто померто?

– Дык Петра снарядом убило, а Евдокия при родах померла.

– Да, жаль Петю, хороший был кучер. А которая Евдокия?.. Это та, что с сыном моим путалась? Ребёнок-то жив?!

– Жив...

– Ну ступай, ступай! Сам разберёшься, что делать...

Губернатор вернулся к прерванному разговору:

– Так вот, господин полковник, силами полиции и заинтересованными людьми из числа добровольцев организуйте выселение из города всех китайцев. Это директива господина военного министра Куропаткина.

– Слушаюсь, ваше высокопревосходительство! – сказал полицейский чин, щёлкнув каблуками.

– И вот ещё что... – Губернатор, приобняв за плечи полицейского полковника, подвёл к окну и стал что-то нашёптывать, касаясь уха собеседника пышными, почти белыми бакенбардами.

Тем временем вокруг Никодима снова собралась толпа. Он коротко распорядился о достойном погребении усопших, после чего поспешил к Ликин.

Китайка сидела в комнате, баюкая малыша. Тот мирно спал, пуская пузыри, – судя по всему, хорошо накормленный. «Вот кому нет никаких забот – знай себе кушай да спи», – подумал Никодим. Он подошёл ближе и, отодвинув могучим пальцем край тряпки, взглянул на новорождённого.

– Чисто наш губернатор, – пробасил Никодим. – Похож! Разве что бакенбардов не хватает. Жаль только, не признают они его...

– И не надзо! Я заберу себе! Воц цолько бы кормилицу найци... Ничего, у кицайсев много розаюц! Найдзу!

– Ты это... Ликин... Не ходи на улицу. Я слышал, полиция облавы устраивает в вашем квартале. Выселять будут. Оставайся здесь.

– Воц иссё! Я никого не боюся! А выселяца, так поедзу в Кицай. У меня цама браца зивёц... Пойдзёма в церковь сходзима, Никодзим! Надзо Серёзу покресцица. Цы будзеса крёсцьй оцеца.

Никодим удивлённо уставился на неё и затем, почесав затылок, сказал:

– Сергей, значит... Ясный сокол³. А ты будешь крёстная мать?

– Дза.

Вскоре полицейские силы, благодаря помощи казаков и добровольцев, собрали в первый день более трёх тысяч китайцев и погнали их вдоль Амура, вверх по течению, в сторону посёлка Верхне-Благовещенска.

Жара в июле стояла невероятная. Пыль, поднимаемая тысячами ног, не давала дышать, и многие отставали. Щегольского вида пристав, скачущий из одного конца колонны переселенцев в другой, желая проявить усердие, приказал зарубить отставших. Среди них оказалась и маленькая китайка с большой корзиной в руках.

То ли по Божьему промыслу, то ли по случайности конный казак ударил её по касательной, почти плашмя. А скорее всего, рука карателя дрогнула в момент удара от пронзительно-умоляющего взгляда тёмно-коричневых глаз. Он будто понял, что та просит не за себя – за ребёнка. Китайка охнула и повалилась без чувств, накрыв своим телом корзину.

³ Имя Сергей происходит от римского родового имени Сергиус – «высокий, достойный, почтенный, ясный».

...В колонну переселенцев Ликин попала возле церкви. Когда они с Никодимом вышли оттуда, окрестив маленького Серёжу, их заметил тот самый щеголеватый пристав:

– Китайка?! Взять!

Никодим не смог защитить подругу, несмотря на свою богатырскую силу. Ликин вырвали из рук мужчины и бросили в толпу несчастных изгнанников. Все попытки крёстного отца Серёжи объяснить, что она не такая китайка, как все, что у неё ребёнок и она служит при дворе самого губернатора, не привели ни к чему, кроме пары ударов нагайкой.

Для Никодима эти удары были сродни комариным укусам. Он, не обращая внимания на наседающих казаков, высматривал в толпе Ликин, но не находил. Людское море безликих в своём горе китайцев уже поглотило свою соплеменницу.

Часть 1. Ясный сокол

Глава 1. Никодим

Никодим оставил лыжи, подбитые лосиной шкурой, у входа в избу и, отряхнув унты от снега еловым веником, открыл дверь. Вместе с ним в дом проник холодный воздух, и тут же морозный пар за клубился по полу, но, дойдя до пышущей жаром печки, сник и незаметно растворился. Спасовал перед мощью русской печи.

– Никодим! – раздался из запечья звонкий детский голос. – Ты вернулся?!

– Выходи, сынок! Не бойся, – отозвался Никодим. – Я тебе кедровых шишек принёс.

Из-за печи показалась белобрысая голова мальчика лет пяти. Никодим договорился с ним, что при появлении чужих людей в отсутствие хозяина тот прячется в укрытии, специально сделанном для такого случая. В избе, между печкой и бревенчатой стеной, был сооружён ещё один «домик» – из толстых досок, с дверцей, закрывающейся на щеколду. Никодим проверял – даже с его силищей невозможно было отодрать доски. Кроме того, внутри домика имелся люк, ведущий в подвал, – там можно было пережить даже пожар.

Для Серёженьки собственный домик был сущей радостью. Почти всё время он проводил там, мастера себе для забавы игрушки, когда Никодим уходил на промысел.

А уходил тот почти каждый день. На одно жалованье помощника лесного смотрителя прожить ему вдвоём с крестником было никак невозможно. Хотелось поставить мальчика на ноги, да и на поиски Ликин тоже требовались средства.

Вот и приходилось Никодиму ходить в лес на охоту: то белку, то куницу добудет, а если повезёт – соболя. Заодно он приглядывал за своим участком леса.

* * *

...После пропажи Ликин Никодим вернулся в губернаторский дом и, пользуясь своим особым положением при дворе Грибского, распорядился в конюшне насчёт лошади, чтобы отправиться в сторону Верхне-Благовещенска.

При приближении к посёлку его взгляду открылась ужасающая картина: множество зарубленных людей... Никодим насчитал больше тридцати и содрогнулся от неоправданной жестокости ретивых исполнителей губернаторского приказа.

Корзину он обнаружил неподалёку – под цветущим кустом вереска. Ребёнок был жив и невредим, более того, осмысленным, как показалось крёстному отцу, взглядом изучал веточку, качающуюся над его головой.

Никодим соскочил с лошади, подхватил корзину и стал высматривать Ликин – больше всего он боялся, что его кума тоже зарублена. Поэтому вздохнул с облегчением, когда обнаружил её поблизости, ещё больше обнадёжился после часа бесплодных поисков в окрестных зарослях. Но с другой стороны, Никодим понимал: если Ликин была вынуждена оставить корзину с младенцем, значит, случилось что-то непоправимое. Иначе сердобольная христианка не бросила бы Серёженьку.

Ребёнок будто почувствовал, что Никодим тревожится за него, – заворочался в корзине и захныкал.

– Сейчас, сейчас, сокол ясный... Доедем уже до посёлка.

В Верхне-Благовещенске Никодим первым делом направился к церкви. Местный батюшка вник в положение мужчины. Подсказал, какие из прихожанок недавно разрешились от бремени и кто из них не откажется накормить младенца.

– У Марьюшки доброе сердце. Иди к ней. Её дом по правой стороне, приметный. Сразу увидишь. С голубыми наличниками. Иди! Бог с вами!

– Благодарствую, батюшка!

Никодим взобрался на лошадь, священник подал ему корзину и сказал на прощанье:

– Богоугодное дело творишь, Никодим. Дай Бог силы тебе и дитятку выдержать это испытание.

Долго ещё стоял духовный пастырь у церкви, осеняя крестным знаменем удаляющегося Никодима и читая «Отче наш».

Между тем дом, указанный батюшкой, оказался действительно приметным. И не только потому, что был раскрашен в яркие цвета, преимущественно голубой и белый, – рядом с ним стоял вороной жеребец, запряжённый в бричку; он заржал при виде лошади Никодима и даже сделал попытку приблизиться, но повод, привязанный за кольцо, прибитое к столбу резных ворот, едва позволил ему повернуть голову. Конь, недовольно фыркнув, стал бить копытом о землю.

– Ну, чем ты ещё недоволен, Уголёк? – из ворот вышел смазливый молодой мужчина в картузе и цветастой косоворотке.

– Да это он при виде нас так... – пробасил Никодим, спешившись.

Он степенно подвёл свою лошадь к другому столбу, основательно привязал, крепко держа на сгибе локтя корзину с младенцем, затем повернулся в сторону церкви, перекрестился и спросил незнакомца, с любопытством его разглядывающего:

– Хм-м... Марья здесь проживает?

– Да, здесь, – сказал человек, с ухмылкой кивнув в сторону дома, и потёр алеющую щеку. – А ты кто будешь? Чего надобно от Марьи?

– А ты, стало быть, муж Марьи?

– Нет, какой я муж?! Нет у неё мужа. Был да сплыл.

Красавчик одёрнул рукава, расправил складки косоворотки, затянутой тонким чёрным кожаным поясом, потуже натянул картуз и сказал, подбоченясь:

– Меня зовут Василий – приказчик купца Афанасьева. Слыхал про такого?

– Ну, тогда посторонись, приказчик! У меня дело к Марьюшке. А до твоего купца мне дела нет, тем более до тебя.

– Но-но-но! Как ты разговариваешь? Муж-жик! – воскликнул надменно приказчик и замахнулся плёткой.

Никодим молча схватил Василия за ухо и отодвинул в сторону. Тот заверещал, стал биться в руке, удерживающей его чуть ли не на весу.

– Ой, ай, ой! А-а-а! Пусти! Я пошутил!

Никодим отпустил наглеца, даже не взглянув на него, и открыл калитку. Деликатно постучал в дверь костяшкой среднего пальца. На стук отозвался грудной женский голос:

– Василий?! Опять ты? Уходи! Иначе снова получишь...

– Извиняйте, хозяйшка. Это не Василий. Он ушёл.

– Ой! А кто там?.. Заходите!

Никодим, переступив порог, поклонился хозяйке.

– Здравствуйте, Марья!

– Здравствуйте... – сказала миловидная женщина лет двадцати пяти, обернувшись в сторону гостя. Она продолжила кормить грудью своё дитя, не чувствуя стыда перед посторонним мужчиной – догадывалась, что нет ничего краше материнской любви к своему чаду.

Озабоченность не помешала Никодиму отметить, как личит⁴ Марье умеренная полнота, характерная для только что родивших женщин. К тому же она была черноволоса, черноброва, с полными вишнёвыми губами – настоящая казачка. Лёгкая косинка в глазах ничуть не портила её, а лишь прибавляла очарования.

– Марья, я к вам с поклоном от батюшки и с просьбой...

– Благодарствую! А что за просьба?

В этом время из корзины раздалось хныканье, грозящее перейти в залиvistый плач. Марья удивлённо встрепенулась. Никодим слегка приподнял корзину и сказал:

– Вот это и есть моя просьба. Серёженька остался без матери. Очень есть хочет. Голодный уже полдня...

– Так давайте его мне. Не знаю, куда молоко девать. Моей Дарьюшке много – приходится сцеживать в крынку. Давайте...

Никодим поставил корзину на стул и в растерянности воззрился на плачущего Серёженьку. Заметив его нерешительность, Марья уложила дочку в люльку и сама подошла, обнаружив довольно высокий рост – почти до плеча Никодима.

– Вот что, папаша, – сказала Марья строго, взглянув на ребёнка. – Вы совсем за ним не смотрели, что ли?! Он же мокрый. Неужто не чувствуете запаха?!

– Дык, это...

– Вот что, папаша, – повторила Марья, перейдя на «ты». – Иди, погуляй пока. Мы тут сами разберёмся.

Никодим, смущённо кланяясь, попятился, спиной открыл дверь и, только выйдя во двор, облегчённо вздохнул полной грудью.

Тем временем Марья принялась за хлопоты: обмыла дитячко тёплой водой, выкинула застиранные тряпки и, завернув в чистые пелёнки, дала грудь. Мальчик с жадностью припал к соску и довольно зачмокал.

– Кушай, кушай, соколик! – сказала Марья, бросив взгляд на свою дочурку. Словно хотела заверить малышку в том, что приبلудный мальчишка (и вообще никто и никогда) не займёт в её материнском сердце слишком много места.

Покормив мальчика, женщина переложила его к дочери – места в люльке было достаточно. Покачала немного – оба заснули коротким сном грудничков: через полчаса проснутся и снова станут требовать молока. Воспользовавшись свободной минутой, Марья подошла к зеркалу, чтобы прихорошиться и заправить выбившиеся пряди волос под платок.

Когда она вышла во двор, Никодим топориком, найденным в чулане, прилаживал сорванную петлю к скособоченной двери сарая. Он быстро успел окинуть хозяйственным взглядом двор и по ряду признаков обнаружить явное отсутствие мужчины в доме.

– Бог в помощь! – сказала женщина. – Благодарствуйте!

Никодим закончил работу, отнёс топорик на место и подошёл к Марье.

– Вот... смотрю, петля сорвана... Решил приладить.

– Ещё раз благодарствуйте! Моего Мишеньку прошлой осенью медведь задрал. Некому смотреть за хозяйством. Он приказчиком работал у купца Афанасьева. Хозяйство-то ладное оставил, а сам даже дочь не увидел – без него родилась.

– А Василий, значит, после него стал приказчиком?

– Вы уже знаете?! Да, после него... Частенько заходит, чёрт смазливый. Думает, если стал приказчиком вместо Мишеньки, так и на меня права имеет. Сегодня даже приставать вздумал. Так я его огрела кулаком в скулу – у меня не забалуешь...

Никодим басовито засмеялся. Вспомнил, как заносчивый приказчик тёр алеющую щеку, – вот откуда, оказывается, краснота.

⁴ Личить (устар.) – подходить, красить, быть к лицу.

– Я его тоже немного потрепал за ухо, – сказал Никодим, продолжая смеяться. – Не имеет уважения к старшим...

– Так ему и надо, чёрту кудрявому! – поддержала веселье Марья, но ненадолго; посерьёзнев, присела на ступеньки крыльца и спросила: Теперь сами расскажите, кто вы, что вы.

Никодим кашлянул в кулак, снял шапку, затем снова надел и решительно сел рядом.

– Меня зовут Никодим. Я служу у Грибского – генерал-губернатора нашего. И я не отец Серёженьке...

– Батюшки, а кто же его родители тогда? – удивлённо всплеснула руками Марья.

– Родителей нет. Мать померла сегодня утром в родах. А отец... Отца тоже нет. Я, значит, крёстный буду...

– Поздравляю!

– Благодарствуйте!

Никодим немного отодвинулся от Марьи – жар её тела мешал сосредоточиться.

– Была ещё крёстная мать – китайка Ликин. Она же и роды принимала.

– Китайка?! – удивилась Марья.

Никодим молча кивнул, заметно погрузнев. Он снял шапку и перекрестился, услышав колокольный звон со стороны церкви. Затем продолжил:

– Корзину с ребёнком я нашёл в поле у дороги. А Ликин пропала. Её угнали сегодня из города вместе с другими китайцами, как только мы вышли из церкви после крещения.

– Да, я слышала от Василия страшную историю. Тысячи китайцев у посёлка загнали в реку. А там Амур аршин триста в ширину будет. Многие, говорят, плавать-то не умели – не доплыли. А эта китайка умела плавать?

– Не знаю, – сказал сокрушённо Никодим. – Может, умела, может, нет...

– Ну, даст Бог, выжила... На всё воля Божья!

Никодим опять перекрестился.

– Что собираешься делать? – спросила Марья, опять переходя на «ты».

– Мне надо возвращаться в город, на службу. Долго уже отсутствую – могли потерять. Хотя сегодня не до меня... Вот что Марья. Оставь, Христа ради, у себя Серёженьку. А я тебе стану помогать – каждое воскресенье буду приезжать. Деньгами, или что... Ты не думай, у меня припасено на чёрный день.

– Да я и сама хотела предложить, Никодим. Куда ты с грудным-то! Мужик ты хороший, порядочный – сразу видно. Но не мать... Его же кормить надо. До четырёх-пяти лет даже не думай. А там дальше как Бог положит.

Никодим вскочил с крыльца и в пояс поклонился Марье.

– Не ошибся в тебе, Марьюшка! Правильно батюшка подсказал. Дай Бог здоровья! Век буду молиться за тебя! А мальчишку я не брошу. Он мне теперь как родной сын...

Глава 2. Марья

После отъезда Никодима женщина закрыла калитку и направилась в дом, удовлетворённо взглянув на ладную дверь сарая. Вот что значит мужские руки! А что взять с похабника Василия?.. У того одно на уме: дай кого потискать в тёмном углу. Как пить дать, явится вечером. А ей не до мужиков сейчас – года не прошло, как похоронила Мишеньку.

К тому же благодаря Никодиму забот прибавилось. «Тяжело одной, конечно, но Серёженькин крёстный обещал свою помощь, да и Мишенька оставил кое-какие средства. Ничего... Проживём, Бог даст...»

С такими мыслями она суежилась по хозяйству, пока малыши сопели в люльке, наводила чистоту в каждом уголке и без того уютного жилища. Что говорить, любила Марья свой дом, сама придумала окрасить его в яркие цвета. Раньше ведь у неё своего угла не было. В девичестве проживала у купца Афанасьева вместе с матерью, царствие ей небесное, пока не приметил Михаил Васильевич...

Супруг Марьи был старше её на десять годков – солидный, степенный, не то что баламут Василий. Уважала она своего Мишеньку. Любить не любила, но уважала. Сам выбился в люди, дом построил с резными наличниками и... любил её очень. Целый год приглядывался к ней, пока не посватался.

К тому времени Марья уже жила в одиночестве. Не выдержало сердце матери тяжёлого труда прачки. Так что Михаил Васильевич со своим сватовством ко времени пришёлся. Куда деваться бедной одинокой девушке?! Неужто тоже коротать жизнь в прачечной купца?.. Как справила годовщину смерти матери, так и пошла под венец.

Ни разу не пожалела. Очень хорошим и добрым человеком был её муж. Никогда супружницу не обижал. Вот так бы жить да жить до глубокой старости.

Жаль, сгубила Михаила Васильевича страсть к охоте. Днями и ночами пропадал он иной раз с купцом на заимке. И вот однажды привезли Мишеньку, завёрнутого в окровавленный тулуп, – «Медведь задрал...» – вот и весь ответ, да утешенье в придачу: «Ты крепись, Марья! Я тебя в беде не оставлю. Михаил был для меня что родной. Да и ты, чай, не чужая».

И действительно, после отпевания Афанасьев самолично привёз солидную пачку денег и вещи её мужа из заимки: ружьё-курковку, серебряный портсигар и охотничий нож, инкрустированный серебром. Кроме того, привели Мишиного коня. Но Марье его норов давно не нравился – неуправляемый, нервный, поэтому она немедленно продала лошадь заезжим цыганам за хорошую цену.

...Прервав её воспоминания, проснулись малыши: сначала дочка заревела в голос, от её рёва заворочался и Серёженька, но плакать не стал, ограничился кряхтеньем и хныканьем. Марья проверила пелёнки – не мокрые ли? – затем, взяв обоих на руки, дала грудь. Слава богу, ей стало легче: раньше по ночам просыпалась из-за мокрой от молока сорочки, теперь есть комускармливать лишнее.

Марья невольно сравнила ребятишек: Серёженька такой серьёзный – сосредоточенно сосёт грудь, изголодался; а Дашенька привередничает – она повзрослее на месяц, может себе позволить капризы на правах старшей. Марья тихонечко засмеялась от этой мысли: «Старшая!»

– Кушайте, кушайте, мои хорошие! – сказала ласково. – Растите большими, умными и добрыми. Ты, доченька, станешь красавицей, а ты, Серёженька, – богатырём. Кушайте...

Мальчик насытился первым и уснул от усталости – как-никак только первый день жизни, сосать молоко для него – пока ещё нелёгкое занятие. Марья перенесла его в люльку и занялась дочкой: поменяла пелёнки, покачала немного на руках и, заметив её сонливость, положила рядом с молочным братцем, нежданно-негаданно обрётённым.

Так бы и любовалась Марья своими ангелочками до очередного кормления, если бы не отвлекли её тревожные мысли...

Надо что-то решать с Василием. Что ни вечер, приходит и, позоря перед соседями, блажит под окном: мол, пусть, разговор есть. А что у него за разговоры – всё одно и то же. Вот давеча, например...

– Марья, жизни без тебя нет. Выходи за меня замуж! Ведь я тебя всегда любил... Хотел посвататься.

– Раз хотел, что ж не посватался?

– Кто я был тогда? – спросил Василий и сам же ответил: – Мальчик на побегушках. Ты и не смотрела тогда в мою сторону...

Марья засмеялась:

– Я и сейчас не смотрю! Ты найди себе другую, Вася. Не пара я тебе – горькая вдова с грудным ребёнком... А ты себе найди девушку молодую... Правда, Василий, не ходил бы ты сюда! Перед людьми неудобно.

– Да что мне люди! – хорохорился Василий. – Я никого не боюсь!

– Ты-то не боишься, а меня бесславишь, порочишь перед людьми! Сам подумай, ну кто я тебе?

– Я на тебе женюсь!

– А ты меня спросил? Женится он... Может, я вовсе не хочу замуж?!

– А вот и спрошу! Марья, будь моей женой!

– Экий ты, пристал как банный лист! Отстань! Уходи! И не приходи больше!

Но разве он нормальный язык понимает... Евсей Петровичу, что ли, пожаловаться?... Сегодня опять явился – пришлось огреть его кулаком, когда полез обниматься. Ни стыда ни совести у человека. Но у Марьи кулаки крепкие: так саданула, что сбегал не попрощавшись.

Женщина снова улыбнулась своим мыслям, вспоминая, как Василий упал от её неожиданного удара, опрокинув кадку с водой. Сбегал, чёрт кудрявый, да ещё на Никодима нарвался.

А Никодим-то ничего – видный мужчина, за таким как за каменной стеной.

Хотя Маша и сама не промах. А что, покойный Михаил Васильевич учил её и кулачному бою, и стрельбе из ружья, показал, как шашку держать да нагайкой управляться – они же почти все здесь потомственные забайкальские казаки. Покойная матушка рассказывала, что она вместе с родителями была среди первых пересыльных казаков, которые основали Усть-Зейскую станицу, впоследствии ставшую Благовещенском.

Только вот у самой матушки судьба не сложилась: муж, отец Маши, рано помер, дочь она растила одна. В конце концов пришлось идти в услужение к купцу. Тяжела доля одинокой женщины... Но зато дочь вырастила на зависть всем.

Марья накинула на плечи цветастый платок и, подойдя к зеркалу, стала отыскивать на лице несуществующие морщинки. Затем повела плечами – хороша, ничего не скажешь, слава богу.

Хлопнула калитка во дворе, в сенях послышались шаги, и спустя некоторое время в дверях появилось смешливое женское лицо:

– Хлеб да соль вашему дому!

– А-аа, Глашенька, заходи. Как раз трапезничать собралась, – отозвалась Марья.

Но Глафира не вошла в избу, а буквально пулей влетела. В этой худощавой (в отличие от Марьи), небольшого роста женщине энергия была ключом, она постоянно находилась в движении.

– Благодарствую, Марья, – затараторила Глафира. – Ой, чо-то, я смотрю, сегодня у тебя народу. То один, то другой... Дай, думаю, сама зайду спросить, пока поселковые сплетницы небылицы не принесли.

– Да, соседushка, вот смотри, кто у меня тут, – сказала Марья, показывая рукой на люльку. Глафира посмотрела в указанную сторону, вытянув шею, и заулыбалась.

– Знамо кто, дочка твоя – Дарьюшка!

– Да ты погляди, погляди! – сказала Марья с хитринкой в улыбке.

Пары стремительных шагов Глафире оказалось достаточно, чтобы всё хорошенько разглядеть и всплеснуть руками.

– Бат-т-тюшки-и! У тебя ещё один ребёнок?! – не то спросила, не то удостоверила с удивлением. – Боюсь сглазить...

– Иди к рукомойнику и садись за стол, – сказала Марья. – За трапезой расскажу. Был ребёнок – не знал пелёнок, стар стал – пеленаться стал! – проговорила она и, достав из печи чугунок, выставила на середину стола.

По дому разнёсся аромат наваристой тыквенной каши с галушками.

– Угощайся, Глафира! Сейчас самовар закипит и будем чаёвничать с ватрушками.

– Ой, Марья, я страсть как люблю ватрушки!

За чаем Марья поведала соседке все дневные происшествия. Не забыла и про Василия рассказать.

– Надоел он мне – хуже пареной репы... Не знаю, как отвязаться от него.

– А что ж ты Евсей Петровичу не пожалуешься? Скажи ему, пускай приструнит кобеля своего!

– Пожалуй, придётся, Глаша. Проходу не даёт. Каждый вечер под окнами торчит.

– Да чёрт с ним, с кобелём этим, – махнула рукой Глафира и, подмигнув, заговорщически прошептала: – А что этот Никодим-то, хорош?..

– Да ну тебя, Глаш! У тебя одно на уме...

Та с хрустом потянулась, раскинув красивые, как у барыни, руки.

– Э-эх! А что? Имею право! Я тоже вдовая!

Глафира уже пять лет как лишилась мужа. Он погиб в стычке с китайцами: с отрядом казаков, охраняющих добытое на Амуре золото, нарвался на разбойников, захотевших прибрать к рукам ценный груз, приготовленный к отправке. В неравной схватке золото отстояли, но потеряли трёх казаков, в том числе и мужа Глаши.

Так тридцатилетняя красавица осталась с тремя детьми на руках – дочерью Фёклой и двумя сыновьями. Правда, девочке уже исполнилось двенадцать – она стала большой помощницей матери и тоже часто навещалась к соседке, чтобы поиграть с Марьиной дочкой.

– Пришлешь завтра Фёклу за моими присмотреть? – попросила Марья Глафиру. – Схожу до Афанасьева. Авось не прогонит. Если Василий сегодня опять будет домогаться – точно пойду!

– О чём ты говоришь, Марья? Я сама пригляжу, только кликни! Тем более у тебя теперь двое, Фёкла не справится...

Однако в тот день случилось такое, что Марья решила отложить визит к купцу.

Вечером, как и ожидалось, пришёл Василий. Был он, по обыкновению, развязан и слегка пьян. Она его впустила в дом, чтобы окончательно раскусить ухажёра и пригрозить, если понадобится, жалобой его хозяину.

– Здравствуй, Марья! Ожидала меня? Знаю, что ожидала!

– Не шуми, детей разбудишь! Да, ожидала. Только не потому, что ты думаешь!

Марья укуталась в большой платок, пока Василий приходил в себя от её сообщения, отодвинула лавку от стола и села, обняв себя за плечи. Приказчик осмотрелся по сторонам и спохватился:

– погоди, ты сказала: «детей». Глашины, что ль?

– Нет, мои! У меня теперь двое.

– Ничегошеньки не понимаю... – гость помотал кудрявой головой.

– А тебе не обязательно понимать. Василий, давай договоримся: ты пришёл ко мне в последний раз! Ещё раз хочу сказать, что я тебя не люблю и замуж за тебя не пойду. Больше я тебя к себе не пущу! Заруби это себе на носу. Иначе завтра же пойду к Афанасьеву и пожалуюсь на тебя.

Мужчина ещё раз помотал головой – похоже, хмельного выпил лишка. Запустил пятерню левой руки в свои кудрявые волосы и, со злостью их подёргав, попросил:

– Дай квасу!

Жадно отпив несколько глотков, да так, что капли усеяли одежду, отдышался, снова отпил, затем, будто успокоившись, сказал ровным голосом:

– Афанасьеву, говоришь?! А ты знаешь, что это он сгубил Михал Василича? А?! Это они, не поделив на заимке бабу, стали стреляться. Вот Афанасьев удачливее оказался, застрелил Мишу.

– Что-о?! – протянула Марья, прикрыв рукой рот. Кровь схлынула с её лица. – Врёшь, поди?!

– Вот те крест! Сам видел! Сначала они долго ссорились, кричали друга на друга. Про какое-то золото говорили. Михал Василич утверждал, что тот благодаря ему стал купцом. А Евсей Петрович ему: «Ты на мои деньги живёшь! Я их приумножил!» В общем, всё вспомнили. Затем вздумали стреляться из охотничьих ружей, пьяные уже были. Оба – отменные стрелки. Только Михал Василич не стал в него палить, лишь прицелился, затем взял в сторону и вlepил картечь в соседнее дерево. Ну, расстояние было небольшим, а потому не было осыпи дробы – ни одна картечина не задела. А Афанасьев вскинул ружьё, тут же выстрелил и попал прямо в грудь. Разворотило Михал Василичу рёбра, будто медведь лапой ударил. Вот и придумали для всех, что его медведь задрал...

– Зачем ты мне это рассказал, Василий? – спросила Марья, тяжело вздохнув.

– Хочу, чтобы знала, кто тебя вдовой сделал. Я скоро уйду от него – это страшный человек. Когда-нибудь он и со мной так поступит. Если уж Михал Василича не пожалел...

– Ты же говоришь, что им было чего делить?.. А с тобой – что? Аль придумал в отместку мне эту историю?!

Василий посмотрел пристально в глаза Марьи и медленно перекрестился; затем, достав из-за пазухи нательный крест, поцеловал его.

Глава 3. На китайской стороне

Вернувшись из Верхне-Благовещенска, Никодим первым делом направился к губернатору. Он уже по дороге домой узнал, что войско собирается в поход на китайскую сторону.

Решил тоже принять участие – авось следы Ликин обнаружатся.

Подождал у дверей, пока закончится совет, разойдутся приглашённые начальники, и постучал в дверь.

– Ваше высокопревосходительство, позвольте войти?

– А, Никодим! Заходи. Что опять случилось?

– Ничего, Константин Николаевич, слава богу. Ваше высокопревосходительство, прошу позволения записаться в поход. Хочу вас сопровождать.

– Ну, положим, меня есть кому сопровождать. А твоё желание похвально. Скажу атаману, чтобы тебя записали в десятники. Удадь казацкую не растерял ещё на губернаторских харчах?

Никодим приосанился и сказал:

– Никак нет, ваше высокопревосходительство!

– Ну, ступай тогда! Готовься. Послезавтра выступаем. Коня подбери себе из моей конюшни. Разрешаю. А оружие и амуницию получишь в полку.

Но на следующий день город был атакован китайцами, перебравшимися на русский берег при восемнадцати орудиях.

Их сначала встретили огнём крестьянские дружины, а затем в помощь подошла сотня Амурского конного полка. Общими усилиями китайские солдаты были вытеснены с русской территории.

Генерал-лейтенант Грибский решил изменить первоначальный план и атаковал правый берег большими силами.

Ночью полторы сотни казаков переправились через Амур и напали на цинских солдат⁵. Самое узкое место Амура располагалось возле Верхне-Благовещенска. Переправлялись с помощью лодок, переданных атаманом посёлка.

Но эта вылазка для казаков оказалась неудачной: натолкнувшись на ожесточённое сопротивление, в короткой схватке они потеряли сотника Юрковского, командира отряда. Было решено вернуться обратно.

Среди совершивших вылазку на вражеский берег находился и Никодим со своей десяткой. Когда прозвучал сигнал к отступлению, в пылу битвы они оторвались от основных сил. Пришлось с боем воссоединяться со своими. Именно тогда Никодим заметил, что, несмотря на численный перевес, китайцы не отличаются высокой дисциплиной и организованностью: как только казаки наседали, китайцы беспорядочно отступали. Сотне Юрковского не составило бы труда разгромить цинский отряд, но гибель командира спутала все карты⁶.

Неудивительно, что казаки возвращались домой в подавленном настроении.

После завершения операции Никодим в составе сотни отправился в Верхне-Благовещенск. Для встречи казаков на правом берегу собралось много поселковых, среди них заметно выделялись яркая рубашка и кудрявая голова приказчика купца Афанасьева.

– Господин младший урядник! – крикнул Василий, узнав Никодима. – Моё почтение!

– Будь здоров, мил человек!

– Куда путь держишь? – спросил Василий, заметив, что младший урядник оторвался от сотни и направился вглубь посёлка.

⁵ В этот период в Китае правила династия Цин (1662–1911), соответственно, армия называлась Цинской.

⁶ Казацкая сотня составляла в военное время 132 человека.

Никодим, получивший разрешение старшего урядника проведать крестника, повернулся в седле на полкорпуса и спросил в ответ:

– Тебе какое дело?

Он невзлюбил приказчика после первой встречи за дурную кичливость.

– Небось, к Марье направился?! – Василий не отставал и держал своего коня рядом с лошадьёю Никодима.

– Предположим...

– Это твой, что ли, ребёнок у неё?

– Мой! Дальше что?

– Да ничего. Мне теперь всё равно!

Василий стегнул своего коня и, гикнув, помчался вперёд. Никодим проводил его долгим взглядом и, вспомнив, как Марья в сердцах называла незадачливого ухажёра, покачал головой: «Чёрт кудрявый».

– Ой, кто к нам в гости пришёл! – воскликнула Марья, не прерывая кормления младенцев. – Смотри, Серёженька, твой крёстный пожаловал...

Никодим снял папаху и церемонно поклонился:

– Здравствуй, Марьюшка! Ну, как вы тут? Справляетесь? Как мой сокол ясный?

– Проходи, Никодим. Всё хорошо. У Серёженьки аппетит отменный. Спит спокойно, не капризничает. Настоящий богатырь.

– Ну, слава тебе господи! А то я волновался, что не примет тебя и капризничать станет.

– А как ты, Никодим? Я смотрю, снова на службу подался?

– Да видишь, как всё повернулось?! Грех отсиживаться в такое беспокойное время. Ты уж прости, Марьюшка. Меня покамест не будет. Снова в поход собираемся. Ты скажи, в чём нуждаешься. Чем тебе помочь? Может, провизия какая аль деньги потребны?

– Всё у меня есть, Никодим, не изволь беспокоиться, – сказала Марья с улыбкой. – Вот мужские руки не помешали бы, да это не срочно. Придётся с похода, тогда милости просим. Мы будем ждать.

– Хорошо, Марьюшка. Я на минутку заглянул, пойду, пожалуй. Мне надо своих ещё догонять.

– Береги себя, Никодим!

Мужчина снова поклонился и вышел. Казаков он догнал уже на подъезде к городу.

А там было беспокойно, начались массовые убийства оставшихся на русском берегу китайцев и маньчжур. Всё это происходило с молчаливого попустительства властей губернии. Мало того, Грибский приказал казакам и крестьянским дружинам полностью очистить правый берег от китайцев и истребить там все их посты.

Через два дня Никодим снова очутился на китайской стороне. Его взводу из двадцати шести сабель предстояло напасть на пост китайцев, стоящий напротив Благовещенска, чтобы помочь высадке крупного десанта русских.

Старший урядник подъехал к лошади Никодима и, притянув его за рукав, сказал приглушённым голосом:

– Ты, Никодим, бери свою десятку и подходи к посту вдоль леса. Наверняка узкоглазые побегут в том направлении, когда мы наскочим.

– Слушаюсь, господин урядник!

Действительно, когда остатки взвода казаков с гиканьем и криком «Ур-ра-а!» выскочили на пост китайцев, что стоял на развилке дороги, ведущей к Сахалину, те, открыв беспорядочный огонь, который не нанёс ни малейшего урона казакам, побежали в лес.

Но там их уже ждала десятка Никодима. Дружный двойной залп скосил всех, за исключением одного – видимо, командира; с пикой наперевес он ринулся на младшего урядника, крича: «А-а-а-а! Ийа-а-а!»

Китаец с ходу попытался нанести Никодиму колющий удар. Но тот, несмотря на медлительность в обычной жизни, в бою был ловок и неустрашим: с лёгкостью выхватил шашку из ножен и, с вывертом отбив пику в сторону, кулаком левой руки ударил врага прямо в лоб. Удар был такой сокрушительной силы, что смельчак упал замертво.

С китайским заслоном было покончено.

После разгрома китайских отрядов на левом берегу наступила относительная тишина. Цинские солдаты перестали обстреливать русский берег. Но приморский генерал-губернатор Гродеков решил закрепить успех и приказал захватить весь левый берег Амура, присоединив его к русским территориям. Для этого туда был направлен десант из шестнадцати пеших рот и нескольких сотен казаков при поддержке двух речных пароходов с пушками.

В течение трёх дней упорных боёв были заняты посёлки Сахалин и Айгунь⁷.

Цинские солдаты ушли в леса и, объединившись с «краснобородыми» – хунхузами⁸, продолжали нападать, упорно сопротивляясь русским. В ответ на это Грибский разрешил всем добровольцам из числа казаков свободную охоту на этих разбойников. В качестве вознаграждения, с целью лишить хунхузов поддержки местного населения, позволил уничтожать жильё и забирать продовольствие.

На одну из таких «охот» вышел и Никодим. Но не с целью наживы, главной его задачей было найти следы Ликин. Она как-то говорила, что на левом берегу у неё есть брат. Может быть, он знает, где находится милая Ликин...

Отобрав в помощники десяток казаков из числа добровольцев, Никодим переправился на левый берег. Он честно рассказал своим товарищам про основную цель своего похода, но преследованию разбойников обещал не препятствовать. Возражений не последовало – Никодим пользовался заслуженным авторитетом среди казаков, да и удаль, проявленная в последнем бою, прибавила ему известности.

К тому же в случае удачи поход сулил немалые барыши.

Первоначально казаки направились в посёлок Сахалин, что стоял прямо напротив Благовещенска.

– Куда податься, братцы? – вопрошал Никодим. – Кого спросить?

Один из казаков предложил пойти на местный торговый рынок. Другого способа узнать о новостях не предвиделось.

Но сколько бы ни спрашивали людей про брата Ликин по имени Линг, те отвечали односложно: «не знаю» – или вовсе отказывались отвечать.

Наконец седобородый старик-прохожий сказал казаку, знающему местный китайский диалект:

– Вы видели, сколько трупов моих соплеменников проплыло по реке? Думаете, после такого кто-нибудь вам согласится помочь?

– Но ведь не мы начали эту войну, уважаемый! – воскликнул толмач.

– Да, в войне прав тот, кто побеждает, – сказал старик. – Но не ждите, что вам здесь рады... Никто вам не поможет.

Казакам не оставалось ничего другого, как, подкрепившись в местной харчевне, выехать из Сахалина в сторону Айгуни.

– А знаете, как по-китайски звучит Айгунь? – спросил казак, говоривший со стариком на рынке.

⁷ Сахалин и Айгунь – китайские населённые пункты. На месте Сахалина ныне стоит многомиллионный город Хэйхе. Айгунь находится в 30 км севернее и примечателен тем, что там в 1858 году был заключён Айгунский мирный договор между Китаем и Россией о разграничении территорий.

⁸ Хунхузы (букв. «краснобородые») – местные разбойники, имевшие привычку украшать оружие кисточками из красных ниток. При стрельбе они зажимали кисточки зубами, чтобы не мешали, и поэтому издали казалось, что у них бороды красные.

– ?..

– Ай...!

– Что? Как? Повтори!

Знаток китайского языка повторил хорошо всем известное слово из трёх букв. Дружный хохот взорвал тишину просёлочной дороги, испугав птиц на ближайших деревьях. Они вспорхнули тёмной тучей и исчезли за кронами.

– А чего ж тогда Айгунем называют?

– Это ещё пятьдесят лет назад дипломаты закрепили во время подписания Айгунского договора, чтобы для русского слуха поблагозвучнее вышло... Это ещё что, а вот знаете, как будет слово...

Так, развлекаясь звучанием кое-каких китайских слов, казаки продолжали путь.

До посёлка Айгунь предстояло добираться ещё тридцать вёрст. Дорога пролегла через тайгу. На одной из развилок на них напали хунхузы. Но казаки были наготове – с первыми выстрелами спешили и открыли ответный огонь из-под брюха лошадей. В результате боя были ранены три коня, их пришлось застрелить, но в качестве трофеев казакам достались низкорослые, крепкие маньчжурские лошадки.

Хунхузы, потеряв в бою половину своих бойцов, исчезли в тайге. Ружья убитых разбойников оказались старого образца, поэтому их разобрали и привели в негодность. Дальнейший путь продолжили с большей осторожностью.

Перед прибытием в Айгунь десятка Никодима подверглась ещё одному обстрелу. Но так как стрельбу хунхузы (а это были они) вели издалека, урона казаки не понесли. Никодим решил не отвлекаться на этих лиходеев и продолжить путь. А ещё младший урядник не разрешил грабить и жечь дома мирных жителей, когда его отряд проезжал через небольшие селения, – им предстояло возвращаться по этой дороге. Но не только поэтому: у Никодима душа не лежала поступать так жестоко с ни в чём не повинными людьми.

Глава 4. Марья и Никодим

В церкви негде было протолкнуться. Пахло свечами, горел в огнях иконостас и строго глядели с икон лики святых. Десятки глаз устремились на амвон – воскресное богослужение местный батюшка открыл проповедью во славу русского оружия. Только Марья на него не смотрела, разыскивая глазами Никодима – давеча снова обещал прийти.

– Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится имя Твоё, да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли. Хлеб наш насущный даждь нам днесь; и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим; и не введи нас во искушение, но избави нас от лукаваго...

До Марьи с трудом доходил смысл проповеди, её, обуреваемую ревностью, терзала неотвязная мысль: «Когда же он перестанет искать свою Ликин?» Что скрывать – нравился Никодим Марье, а он будто не догадывался, что она ждёт его появления, как манны небесной.

– ...Бог избрал немудрое мира, говорит апостол, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное; и незнатное мира и уничиженное и ничего не значащее избрал Бог, чтобы упразднить значащее, – для того, чтобы никакая плоть не хвалилась пред Богом...

Уже два месяца прошло с того дня, как Никодим принёс корзину с ребёнком в дом Марьи. И всё это время он рвался на китайскую сторону в поисках своей Ликин. И на что она ему?! Этих мужчин не поймёшь: всегда ищут придуманного счастья, не видя настоящего на расстоянии вытянутой руки.

– ...Без жертвы невозможно угодить Богу и спастись, и, может быть, ещё и по этой причине Бог попускает на земле войны, болезни и прочие испытания. Ведь на войне люди поставлены в такие условия, что часто бывают вынуждены жертвовать собой ради других, тогда как в мирное время они ничего такого никогда бы не сделали...⁹

Марья наконец разглядела среди прихожан громоздкую фигуру Никодима. Поймав её взгляд, мужчина улыбнулся и кивнул. Он за последние дни ещё больше окреп, загорел, но немного осунулся. Сказывались заботы, которые тот взвалил на себя. Это был уже не тот медлительный Никодим, раздобревший на спокойной, сытной службе у губернатора. Сейчас на Марью смотрел усатый казак с жёстким волевым лицом, какое бывает у людей, побывавших на войне и смотревших смерти в глаза.

По окончании службы Марья и Никодим вместе вышли из церкви и, не обращая внимания на любопытные взгляды сельчан, так и направились к дому.

Никодим вёл лошадь за узду, а Марья павой выступала рядом. Посторонний человек мог бы подумать, что это казак со своей супружницей возвращаются с воскресной службы. Только вот детки под приглядом Глашиной Фёклы ждали их дома отнюдь не единокровные...

Куда только делась степенность Никодима, когда он увидел Серёженьку! Его друзья-соратники глазам бы своим не поверили, видя, как он нежно воркует над младенцем:

– Ну что, сокол ясный, растём?! О, какой мы теперь большой стали! Улыбаться умеем! А зубы-то где? Нет зубов? Ну ничего, это дело наживное...

Потом на кормилицу посыпались вопросы:

– Марьюшка, а он хорошо кушает? Не капризничает?

– Серёженька у нас мальчик не капризный. Серьёзный, я бы сказала. Он всеми силами старается быстрее вырасти. Будто спешит куда...

– Куда спешит?.. Известное дело, куда! – воскликнул Никодим и сам же ответил: – Ко мне!

⁹ Из проповеди священника Иоанна Павлова: «В начале было слово. Сто избранных проповедей».

Марья рассмеялась, на её душе было тепло в присутствии этого мужчины. Но следующие слова Никодима как ножом резанули по женскому сердцу.

– Марья, мне скоро надобно будет уехать. Часто не смогу теперь навещать. Думаю, может, мне Серёженьку с собой забрать?! Авось найду там кормилицу...

– А я чем тебя не устраиваю? – вскинулась Марья. – Не отдам я тебе сыночка. Куда ты собрался?.. Опять искать свою Ликин?

– Нет. Ликин, пожалуй, я не найду уже... Нет никаких следов. Дело в другом. Нашего губернатора отправляют в отставку. Не понравилось государю императору, как он дело повёл с китайцами. Вот, решил меня облагодетельствовать новой службой перед отъездом из Благовещенска. Рекомендовал в лесную службу помощником лесничего. Звание унтер-офицера пожаловал и содержание неплохое. Теперь моё жильё будет вдалеке – участок находится в ста верстах отсюда. Я подумал, тебе тяжело будет с двумя детьми одной-то...

От этих слов в глазах Марьи вспыхнула надежда, но Никодим, словно не замечая этого, продолжил:

– Я говорю, может, забрать Серёженьку-то?!

– Не отдам мальчонку! – воскликнула со злостью Марья. – Что хочешь делай!

– Ну ладно, ладно... – сказал примирительно Никодим. – Я же так... чтобы тебе ношу облегчить.

– Не тяжела ноша. Справлюсь как-нибудь.

– Марьюшка, сердце моё, не обижайся. Не могу я тебя забрать. Там же тайга, лес. За сто вёрст человеческого жилья не найдёшь.

– А я и не напрашиваюсь! – сказала Марья, успокаиваясь. – Значит, хотел в свою тьмутаракань Серёженьку нашего забрать?! Нет уж! Пусть здесь живёт... нечего такому малютке по лесам шастать! Мы с тобой договаривались спервоначалу, что до четырёхлетнего возраста думать не смей забирать!

– Хорошо, Марьюшка! – прогудел Никодим. – Только не злись! Полдень уже – может, покормишь казака?

Марья всплеснула руками и засуетилась – забегала, приговаривая:

– Вот дурья башка! Вот дурная баба... Прости, господи! Сейчас, сейчас...

Сноровисто вытащила любимый чугунок – долго держит тепло – из остывшей печи, сбегала в погреб за разносолами, нарвала в огороде зелени, и спустя небольшое время пустой стол превратился в изобильный. Чего тут только не было: и ядрёный квас, и морковные пирожки, и малосольные огурчики, и сало, нарезанное тонкими пластами, кроме того наваристый борщ со сметаной, печёная рыба и каша из полбы – на то и воскресенье, чтоб угощаться от души.

Никодим начал трапезу с большого ломтя хлеба, на который положил пласт сала с долькой чеснока, и долго смаковал это, прежде чем погрузить ложку в тарелку с борщом...

– М-м-м... Вкусно как, Марьюшка! Язык можно проглотить. Давно я не едывал такого борща.

– Кушай, Никодим! – Марья аж зарделась от похвалы. – Вон ещё огурчиков малосольных бери! Грибочки! Лучок зелёный!

Она сидела напротив и, подперев ладонями щёки, любовалась, с каким удовольствием мужчина насыщается в её доме. Ей уже надоело стряпать только для себя. Вот настоящее счастье – дети, муж... Тихое семейное гнёздышко.

Только вот мужчина собирался уехать...

– Надолго ты в тайгу?

– Пока не знаю. Поеду, освоюсь, поживу, а как будет оказия – приеду к вам.

– Когда в путь?

– Вот завтра и отправлюсь...

– Баню затоплю тогда, – сказала Марья. – Ты побудь дома, покуда я воды натаскаю.

– Хорошо, Марьюшка. Ты только воды наноси, а остальное я сам... – Никодим тяжело вздохнул, посмотрев ей вслед.

Он не в силах был себе объяснить, почему его душа не лежит к этой женщине: молода, умна, домовита, красива, наконец. Но... нет той необъяснимой прелести, что заставила бы учащённо биться сердце казака. То ли дело Ликин: бывало, улыбнётся, посмотрит раскосыми глазами или просто пройдёт мимо, задев лишь дуновением колыхнувшегося подола платья, а у Никодима сердце выпрыгивает из груди...

Никодим вновь вздохнул, когда со двора вернулась раскрасневшаяся, запыхавшаяся Марья и со счастливой улыбкой сказала:

– Всё! Я уже и затопила. Тебе ничего не надо делать, Никодим. Разве что дров немного наколоть...

Никодим тотчас вскочил – лишь бы чем занять себя. Иначе от сумбурных мыслей с ума сойдёшь, особенно когда Марья каждый раз смотрит в его глаза с надеждой.

– Ххык! – и тяжёлый топор опускается на берёзовый чурбан, раскалывая его пополам.

– Ххык! – и мысли улетают прочь, оставляя лишь мускульное усилие.

Взять чурбан из кучи, поставить на колоду, поднять топор, расколоть...

– Ххык! Ххык! Ххык!

– Ххык! – и... инструмент застревает.

Мужчина поднимает топор вместе с обрубок бревна над головой и, развернув обухом вниз, с силой ударяет о колоду – поленья разлетаются в стороны. Так... Снова берёт чурбан из кучи, ставит на колоду, поднимает топор...

– Ххык! – прочь ненужные мысли.

– Ххык! – прочь сомнения.

– Ххык! – прочь преграды.

– Ххык! Ххык! Ххык!

Так, намереваясь расколоть пару чурбаков для бани, Никодим вошёл в раж и разделался со всеми брёвнами, да ещё и в поленицу сложил. Останавливался лишь холодного квасу глотнуть, что выносила Марья. Она не стала прерывать его – хуже этого нет, особенно когда мужчина работает в удовольствие. Только с истомой в сердце и теле любовалась, как он буйствует – как бугрятся мускулы на спине и руках, перекачиваясь при каждом движении.

В баню Никодим отправился в исподнем белье, закинув на шею широкое льняное полотенце.

– О-о-о... Ух ты! – воскликнул он, зайдя внутрь. – Тут уши в трубочку сворачиваются от жары... Хорошо натопила, Марьюшка.

Никодим плеснул воду из ковшика на камни. От них с шипением рванулся пар, словно насильно подстёгивая мужчину искать место подальше от каменки. Но тот и сам желал как можно быстрее очутиться наверху, на полке: растянулся там, блаженно закрыв глаза, чтобы каждой жилкой прочувствовать обволакивающий жар.

Основательно разомлев, Никодим облился холодной водой и вышел в предбанник, чтобы отдышаться и хлебнуть квасу. Там его ожидал берёзовый веник – запаренный, облитый холодной водой и завёрнутый в чистую холщовую тряпку.

Второй банный заход предполагал уже скорее напряжённую работу, чем отдых. Никодим опустил веник в кадку с горячей водой, тут же вытащил и, встряхнув, полез на полку. Прямо оттуда подкинул воды на камни и начал париться. Сначала прошёлся по коже, едва касаясь и поглаживая, затем лёгкими движениями нагнал на тело горячий воздух. Снова плеснул воды на камни и, дождавшись, когда пар растечётся по потолку, стал, покрывая, хлестать себя...

Вволю напарившись, облился водой и вышел отдохнуть; хлебнул квасу и прислушался кнутри: «Есть ещё силы?! Просит ещё?!» Похоже, что надо...

Зайдя в баню третий раз, Никодим едва успел поддать пару – возобновить приятное самоистязание не удалось. Скрипнула дверь, и в проёме показалось обнажённое пышное, но крепкое тело Марьи...

Глава 5. В тайгу

– Государь император, в видах скорейшего восстановления дружественных соседских отношений с Китаем, соизволил не присоединять какой-либо части Китая к русским владениям... – сказал генерал-лейтенант Грибский. – Моя миссия исчерпана. Хотя покидаю Благовещенск с тяжёлым сердцем, но совесть моя чиста – я лишь выполнял приказы военного министра.

Выступление бывшего губернатора Благовещенска перед членами Дворянского собрания губернии было встречено овациями, несмотря на немногословность. Все события короткой войны с Китаем нашли отклик в сердцах присутствующих. И не только присутствующих, но и всего населения, за исключением китайцев.

Подойдя к роскошному конному экипажу, запряжённому молодыми ухоженными лошадьми, Грибский, прежде чем сесть, задержался возле рослого усатого мужчины, одетого в новенький мундир губернского секретаря¹⁰ Корпуса лесничих.

– Ну что, Никодим... Благодарю тебя за усердие! Ты славно служил мне.

– Рад был стараться, ваше высокопревосходительство!

– Надеюсь, в лесном департаменте не посрамишь честь мундира. Ведь я за тебя поручился. Труд лесного кондуктора трудный – его получают настоящие знатоки и ценители леса. Отдавай всё своё умение и душу этому благородному мирному делу. Ты знаешь, что за упорство, трудолюбие, выносливость и твёрдость духа лесных кондукторов называют «лесными подшипниками»?

– Буду одним из таких «подшипников», ваше высокопревосходительство! – сказал Никодим, выпятив грудь. – Благодарствуйте за доверие!

Бывший губернатор потрепал Никодима по плечу и сел в экипаж.

– Трогай!

Новоиспечённый губернский секретарь приложил руку к козырьку форменной фуражки и не опускал её до тех пор, пока экипаж Грибского, покачиваясь на рессорах, не скрылся в клубах пыли.

Сборы Никодима были скорыми. Имущества он за время службы у губернатора не нажил, если не считать подаренной лошади. Правда, имелись кое-какие сбережения: всё жалованье, получаемое на службе, он относил в местный банк. Ведь жил на казённых харчах, а для себя ему было мало что нужно. До некоторых пор...

Навьючив лошадь провизией и немудрёными пожитками, Никодим пустился в путь. Губернский лесничий проводил его до начала вверенного участка и, вкратце объяснив обязанности, засобирался обратно.

– Двигайся по этой просеке, не ошибёшься! – сказал он, махнув рукой. – Она приведёт тебя к жилью.

Лесная изба располагалась в удивительно красивом месте – на обширной травянистой поляне, по правой стороне которой протекал извилистый ручей. Ниже по его течению была устроена запруда, то ли бобрами, то ли прежним хозяином – это новосёлу предстояло выяснить позднее. Что ему открылось сразу по прибытии, так это то, что богопорученный участок леса шёл под уклон и потому был виден отсюда, в том числе из окон избы, как на ладони: зелёный хвойный покров тянулся на многие вёрсты, ближе к горизонту играя синевато-серо-коричневыми оттенками.

¹⁰ Гражданский классный чин в царской России. Для присвоения чина губернского секретаря не обязательно было быть дворянином.

Первым делом Никодим подготовил место в сарае для лошади, а саму её пустил кормиться в загон – там росла трава по колено. Затем принялся за обустройство нового жилья: вычистил дом от хлама, оставленного несколько месяцев назад прежним хозяином, поправил входную дверь, выскоблил закопчённые дочерна стены и потолок, отремонтировал топчан и разложил свой скарб. Провозился до сумерек. Хотел было полюбоваться оранжево-красным закатом на безоблачном небе, но едва остались силы на то, чтобы наскоро сварить кашу и вскипятить чай, на топчан он не лёг – рухнул замертво.

... В ту ночь приснился Никодиму осязаемый до яви сон: будто пахнет в его лесной избе блинами. Глядь, а у зева печи стоит Марья в белом вышитом фартучке, на сковороде шкворчит масло. Точно – его изба. Вон и ружьё висит на гвозде, и бревенчатая стена, собственноручно вычищенная, светится янтарно-жёлтыми боковинами.

Посмотрел в окно, а там темно – что за чёрт! Хочет позвать Марью, но не может. Вдруг она сама оборачивается... но на Никодима смотрит улыбающееся лицо Ликин.

– Никодзим! Цы проснулся?! Всавай, сейчас будем блинчики кушадь!

И тянет к нему руки. А руки-то Марьины... Он их помнит. Такие мягкие, пухлые, нежные... Хватают его эти руки и ведут к двери, открывают, а там... баня, жарко натопленная. Лезут вдвоём на полók: Никодим раздетый, а Марья как была в платье с фартучком, так и ложится в нём. Ей совершенно не жарко – Никодиму мочи нет терпеть. Полез вниз, на пол, облиться холодной водой. Ищет, шарит руками, а воды-то нет. Нащупал кое-как ручку двери, толкнул со всей силы и... проснулся от грохота упавшего стула.

Никодим поставил стул на место у топчана, попил воды и, прежде чем начать одеваться, ещё некоторое время сидел, отходя от сонного дурмана.

Когда вышел на крыльцо, над поляной стоял молочный туман. На востоке, где должно было взойти солнце, образовались прозоры, и сквозь них голубело небо. Веял лёгкий предутренний ветерок.

Лошадь Никодима по кличке Гроза встретила хозяина горделивым потряхиваньем чёрной гривы. Она была редкой горностаевой масти: серая в яблоках шерсть, чёрные грива и хвост. Кличка кобылы соответствовала её характеру – во время сабельных атак на китайские посты она бесстрашно насадала на врага, как грозное облако, и не раз выносила хозяина из безнадежных, казалось бы, передраг. Ко всему прочему Никодим знал её как невероятную сладёну.

– Ну что, Гроза? – окликнул он боевую подругу, протягивая ей небольшой кусочек сахара. – Нравится тебе здесь?

В ответ лошадь тихо заржала и потянулась губами к ладони. Никодиму столь непривычно было видеть Грозу мирно пасущейся среди безбрежной таёжной зелени и пестроцветья поляны, что он решил её не тревожить и, оставив в загоне, отправился делать первый обход участка в одиночку.

Должность помощника лесного смотрителя с первого дня пришлась Никодиму по душе. Никакой растерянности и замешательства он не испытывал, по наитию зная, как и что должно делать.

Во-первых, с тайгой необходимо знакомиться, если ты волею судьбы обязан находиться здесь. Показать себя тайге – мол, вот он я, прошу любить и жаловать. А самому постараться познать лес: потрогать руками деревья, погладить, поговорить с ними, узнать, где лежища зверей, их берлоги, тропы, чтобы не попадаться им на пути, зря не шуметь. Во-вторых, с собой всегда следует брать котомку, где лежат спички, топор, ручная пила, сменная одежда и запас провизии на день.

Знакомство с тайгой Никодим решил начать с правой стороны просеки. Путь его пролегал через ручей, делающий крутой изгиб у поляны. Он перебрался на другой берег по стволу упавшего поперёк потока дерева, балансируя с помощью карабина. Спрыгнув на землю, подо-

брал вещмешок, который заранее переброесил. Просека выглядела достаточно ухоженной. При необходимости по ней можно было проехать на телеге с лошадей.

Но, пройдя вёрст пять, Никодим наткнулся на валежник – несколько сухих деревьев, сломанных ветром, преградили путь. Пришлось потратить полдня, распиливая стволы, чтобы расчистить дорогу.

Хотя работа спорилась, Никодим не забывал прислушиваться к лесу – шуму деревьев, крику сов, пению птиц. Свой лес есть свой лес... Надо научиться различать его звуки. Это случайный проезжий может не придавать никакого значения тому, где находится: ему что ельник-черничник, что зеленомошник – всё едино.

На небольшом бездымном костерке Никодим вскипятил чай, перекусил и засобирался в обратный путь. Вскоре начнёт вечереть, а путь неблизкий. Завтра проедет по этой же просеке на лошади. Самые толстые стволы валежника не удалось убрать – Гроза поможет.

Возвращение хозяина кобыла встретила громким ржанием: соскучилась.

– Ну здравствуй, Гроза! Сейчас, сейчас – выпущу из загона. Давай, иди погуляй! Только, извиняй, стреножу тебя.

Никодим присел и путами связал передние ноги Грозы, оставив между ними расстояние с локоть. Лошадь уже давно привыкла к такому ограничению свободы и стояла смирно. Затем внимания хозяина потребовала телега, стоящая под навесом: он заменил оглоблю, проверил колёса, стал смазывать оси дёгтем.

– Бог в помощь!

Никодим от неожиданности вздрогнул и обернулся через плечо. В десяти шагах от него стоял невысокий мужчина с карабином в руке и угловатым туеском за спиной. Туесок был закреплён ремнями на манер вещевого мешка.

Никодим выпрямился и, отложив ведро с дёгтем, сказал:

– Благодарствуйте! Проходите, гостем будете!

– Я Иван. Иван Дементьев. Сосед твой. Мой участок справа за холмом. Мы, стало быть, коллеги.

Никодим не понял последнего слова, но виду не подал, сообразив – Иван такой же кондуктор леса, как и он сам. Обрадованно протянул руку:

– Никодим.

– Знаю, – сказал Иван. – Вчера ко мне заезжал наш лесничий. Сказал, мол, новый помощник на соседнем участке, помоги на первых порах. Пришёл посмотреть, как ты тут. Да не с пустыми руками. Вот...

Он снял со спины туесок, поставил на землю и... достал щенка. Погладил того по голове и передал Никодиму.

– В нашем деле без собаки никак, – продолжил Иван. – Пару месяцев назад моя лайка оценилась. Всех раздал уже, а этот последний с помёта. На мать похож. Моя Умка – рабочая собака. Зверя чует за версту. И этот будет такой же – я в собаках знаю толк.

– Ну уважил, Иван! – воскликнул обрадованно Никодим. – Благодарствуй! Я всё думал давеча, где хорошего пса найти...

– Собака, – сказал Иван, закуривая трубку, – это первый помощник в лесу. Она и зверя найдёт, и предупредит, ежели есть опасность.

– Ну что мы здесь стоим, Иван?! – встрепенулся Никодим, не выпуская из рук щенка. – Пойдём в дом, сейчас самовар вскипит.

– Добро, – согласился Иван. – Ежели позволишь, заночую у тебя. На ночь глядя в лесу бродить не след...

– Конечно, Иван! – перебил Никодим. – Заходи, расскажешь про здешнее житьё-бытьё.

Пока гость вытряхивал трубку о каблук, Никодим занялся щенком, определив ему место возле печки на тряпице.

– Полежи пока... сейчас-сейчас... Ты, Иван, проходи, садись...

Потом скрылся в сенях, возился там и кряхтел, пока с довольным видом не принёс кусок грубошёрстной овчины – разрезал старый тулуп, найденный среди вещей прежнего хозяина. Расстарался Никодим для четвероногого дружка – переложил с тряпки на мягкое кучерявое ложе. Тот остался доволен: вальяжно разлёгся, зевнул, широко раскрыв маленькую пасть, и гавкнул. Мужчины в один голос рассмеялись.

Между тем Никодим поразился тому, как не вяжутся ясные синие глаза нового знакомого с его возрастом: на вид Ивану было за пятьдесят. Вскоре, во время чаепития, хозяин, озадаченный столь вопиющим несоответствием, спросил:

– Сколько тебе лет, Иван?

– Тридцать один... А что?

– Нет, ничего... Выглядишь старше.

– Это из-за бороды, – рассмеялся Иван. – Все так говорят. А как сбрею – никто не узнаёт! Однажды даже жалованье в лесничестве отказались выплатить, говорят: «Ты не Дементьев!»

За разговорами опустошили самовар, не заметив, как сгустились сумерки. Оба, что Никодим, что Иван, привыкли рано укладываться спать и так же рано пробуждаться.

– Кто рано встаёт, тому Бог подаёт, – сказал Никодим, укладывая гостя на печи.

Однако самому хозяину сразу прилечь на топчан не удалось: только потушил лампу, как новообретённый дружок начал жалобно скулить. Пришлось взять щенка к себе, и тот, благодарно лизнув руку Никодима, притих подле его груди.

Часть 2. Тайга – учитель

Глава 1. Пожар

На заиндевелую изгородь загона села сорока, покрутила головой, заинтересованно разглядывая собаку, и со стрекотом полетела на другой конец заснеженной поляны.

Лайка, проводив птицу взглядом, снова повернула голову в сторону избы: скоро должен выйти хозяин...

Открылась дверь, и собака, завиляв хвостом, бросилась навстречу мальчику в короткой шубе-парке с прямыми сходящимися полами, завязанной на шнурки. Сощурившись от лучей яркого зимнего солнца, он прикрыл глаза меховой рукавичкой, пришитой к рукаву шубы.

Вслед за мальчиком из дома вышел богатырского роста и телосложения мужчина, одетый в тунгусскую одежду, скроенную из цельной шкуры оленя. Его наряд дополняли штаны из лосиной шкуры и зимние рукавицы коколко, на изготовление которых шёл камус – оленье лапки мехом наружу.

Не сразу можно было признать Никодима в этом диковинном облачении, то был подарок Онганчи – местного тунгуса-охотника.

– Иди сынок, погуляй, – распорядился Никодим. – А ты, Чингиз, охраняй Серёжу!

Лайка наперегонки с мальчиком бросилась в сторону крутой ледяной горки, сделанной накануне.

– Сынок! – крикнул мужчина вслед. – Я пойду в сарай. Посмотрю ноги Грозы. Что-то припадает на правую переднюю – не потеряла ли подкову...

Но Серёжа уже не слышал крёстного отца, самозабвенно карабкаясь на горку. Никодиму оставалось лишь любоваться тем, как возросли ловкость, сила названного сына, его умение держать равновесие.

Может, и к лучшему, что пришлось забрать Серёжу к себе в малом возрасте. Три годика ему исполнилось, когда Марьюшки не стало...

* * *

Марье долго не давали покоя слова приказчика Василия о том, что в смерти ее мужа виноват сам купец Афанасьев и что та пачка ассигнаций, которую он вручил самолично после похорон, была лишь желанием откупиться, а не искренней помощью.

Однажды, после воскресной службы в церкви, отстав от прихожан, Марья подошла к купцу и сказала невзначай, поигрывая плечами:

– Тут сорока на хвосте принесла, что муженька мово вовсе не медведь задрал... Давеча ко мне пристав благовещенский заходил, всё допытывался про ту историю.

– А ты, стало быть, сказала, что не медведя дело?!

– Я-то, Евсей Петрович, ничего не сказала. Откуда мне, глупой бабе, знать – медведь его задрал, али он за бабу по-стрелялся с кем!

Услышав последнюю фразу, Афанасьев остановился и, исподлобья глянув на женщину, процедил сквозь зубы:

– Вот именно, что глупая! Знай, о чём говоришь! Какая стрельба, какая баба?..

– Ой, Евсей Петрович! – воскликнула Марья, изобразив непонятливость. – Я ж говорю, что слухи. То там скажут, то тут. Откуда мне знать...

Афанасьев сделал знак домочадцам подождать, сложил пальцы рук на объёмистом животе и, с прищуром посмотрев в глаза Марьи, проговорил назидательно:

– Вот что, Марья! Попридержи язык. С огнём играешь!

– Я что? Я ничего! Вот только не знаю, что и сказать, когда пристав в следующий раз придёт...

– Хорошо! Что ты хочешь? – спросил Евсей Петрович, нервно перебирая чётки. – Денег?!

В этот момент на Марью что-то нашло, и она, внезапно посерьёзневшая, бросила со злостью в лицо самодовольному купцу:

– А верните мне мужа, Евсей Петрович! Я баба молодая да здоровая, три года как без мужа живу! Вот хочу, чтоб вернули мне мужа! На что мне ваши деньги?!

– Успокойся, Марья! Люди смотрят. Деньги – это всё! Без них в наше время ничего не делается. Зря ты так! Мужа я тебе не верну, а вот деньгами могу пособить. Только придержи язык – навредить не навредишь, а доброго имени меня лишишь!

– Ах, о добром имени печётесь, Евсей Петрович?! А обо мне не подумали, когда в моего Мишеньку стреляли?

– Ты что?! – воскликнул купец с ужасом в глазах. – Окстись! Не стрелял я в Михаила! Медведь задрал! И точка! Не слушай чужих наговоров!

– Да и я так думала, что наговаривают злые люди. Только вот пристав говорит, что свидетели нашлись... надо прошение написать... чтобы дело возобновили...

На следующее утро Афанасьев помчался в управу и выяснил, что никакого дела нет – давно закрыто. Имелся у него там свой человек прикормленный, он-то и сказал:

– Конечно, Евсей Петрович, ежели законная супруга али другой близкий родственник потребует в силу новооткрывшихся обстоятельств возобновить уголовное дело, то согласно Высочайше утверждённого Государем Императором Уголовного уложения от марта двадцать второго...

– Ладно, хватит! Не было у него близких родственников. Только Марья. А Марью я сам возьму в оборот. На вот, держи, супруге твоей на бархатный салоп... Только смотри у меня, ежели упустишь дело из рук, сам три шкуры спушу.

– Не извольте беспокоиться, Евсей Петрович, я уж догляжу... – сказал «человечек», пожирая глазами деньги. – Главное, чтобы супруга усопшего дело не затеяла. Ежели она обратится к генерал-губернатору, то... Тут уж я буду бессилён...

Чиновник стыдливо прикрыл каким-то документом ассигнации, брошенные на стол, затем неуловимым движением опустил их в ящик стола.

Спустя пару дней протоиерей Верхнеблаговещенского прихода отец Владимир, наказав дьякону закрыть ворота, вышел из церкви и размеренным шагом двинулся в сторону своего дома.

Но через минуту он был вынужден вернуться, уже бегом и запыхавшись, чтобы отдать дьякону другое приказание: «Бей в колокола! Пожар!» Даже издали было ясно – языки пламени беснуются над крышей дома Марьи.

– О Господи! – воскликнул отец Владимир и, подобрав полы рясы, со всех ног бросился к месту происшествия.

Там уже собралась небольшая толпа, но в горящий дом войти никто не решался. Только протоиерей, недолго думая, облился водой из кадки и, накрыв голову полами рясы, ринулся в сени. Сквозь едкий дым он разглядел недалёко от входа распростёртую на полу Марью, дети лежали рядом и тоже не подавали признаков жизни.

Первым делом отец Владимир схватил в охапку малышей и по наитию, ничего не видя перед собой, выбрался на крыльцо. Там его сразу окатили водой, потому что один рукав рясы успел схватиться огнём, а волосы на одной из детских головок обгорели. Наскоро передав Дашу

и Серёжу в чьи-то протянутые руки, священник вознамерился вернуться в пекло – за Марьей, но на его руках повисли несколько человек, и вовремя: рухнула крыша.

– О Господи! – воскликнул поп. – Прости нас за прегрешения наши... Дети живы хоть?!

– Живы, батюшка, живы! Только надышались дыма чуток. Но ничего, сейчас мы их молочком отпоим...

Серёжу к себе забрала соседка Глаша. Мальчик быстро очухался и заплакал, приговаривая:

– Мама Маня, мама Маня, Никодимка! Никодимка-а-а!

Глаша вдвоём с Фёклой как могли успокаивали мальчика:

– Серёженька, не плачь, сердешный! На вот, попей молочка! Мама Маня уехала. А Никодима позовём!

Лишь к утру мальчик забылся тревожным сном: то и дело вскрикивал, звал Никодима – за три года жизни у молочной матери привязался к нему как к родному отцу. Крёстный исправно, раз в две недели, приезжал из лесу проведать Серёжу, иной раз задерживался у Марьи на несколько дней. Даже маленькая Дашутка нет-нет да называла Никодима «тятей», но решение обвенчаться с Марьей он всячески откладывал, а после её гибели корил себя за это...

* * *

Трагическую весть о пожаре лесной кондуктор узнал от тунгуса Онганчи и тут же засобирился в посёлок.

Гнал постаревшую Грозу нещадно. В конце концов пришлось её оставить у Дементьева – настолько лошадь обессилела. Взяв у Ивана свежего коня, погнал дальше. Верный Чингиз бежал рядом, лишь изредка останавливаясь возле ручейков и луж, чтобы наскоро полакать воды. Он чувствовал: случилось что-то тревожное для хозяина и оставить его в беде одного нельзя.

На месте красивого дома с резными наличниками стоял лишь остов русской печи да лежали тлеющие головёшки.

Никодим остановился напротив, одной рукой придерживая коня, а второй почёсывая, по обыкновению, затылок.

Запах гари перебивал мысли и мешал сосредоточиться. Там и сям валялись обгорелые брёвна, домашняя утварь, уже ни на что не годная. Пережить пожар – всё равно что начать жизнь сначала, и то, если повезло уцелеть. Недаром говорят, что пожар хуже вора: тот хоть стены оставит, а огонь не пощадит ничего. Казалось бы, всего неделю назад ты пил чай с хозяйкой этого дома, а теперь стоишь на улице, в потрясении взирая на руины былого счастья. Невозможно представить, что милой Маши нет, что она в мучениях погибла в огне пожара.

Никодим с силой сжал в кулаках уздечку, пытаясь преодолеть душевную боль.

Тут к нему выбежала из соседнего двора Глашина дочка и позвала:

– Дядя Никодим! Дядя Никодим! Идёмте к нам! Серёжа у нас. Всё вас кличет... Здравствуйте!

– Здравствуй, Фёкла! Как он? Плачет?!

– Да, дядя Никодим. Тётю Машу зовёт и вас...

Серёжа, как только увидел Никодима, подбежал, обнял и больше не отпускал до самого отъезда. А то, что его надо забирать с собой, крёстный отец решил сразу – негоже оставлять у чужих людей.

– Что с Дашей? – спросил Никодим Глафиру.

– Есть небольшой ожог на плече, да половина волос обгорела. Но ничего! Вырастут... Её забрал к себе Евсей Петрович, слава тебе господи! Мол, и мать, и отец работали на него, настала пора им отплатить добром, воспитав сироту. А от Серёжки отказался, не стал брать... Сказал, что ему не нужен чужой байстрюк...

– Я байстрюк? – спросил мальчик обеспокоенно и ещё крепче прижался к Никодиму. Не только женщины, но и суровый, закалённый в боях мужчина прослезился от этих слов; погладив Серёжу по голове, он твёрдо сказал:

– Нет, ты – Серёжа, Сергей... Сергей, Петров сын. Отца твоего звали Петром. Запомни. И ты не останешься один. Не нужны нам никакие купцы. Поедешь со мной в тайгу.

У мальчика загорелись глаза.

– Правда?! Ты вправду заберёшь меня с собой?

– Конечно, сынок. Там у меня есть лошадь Гроза, Чингиз на улице дожидается. Будем жить вместе с ними, не пропадём!

– Не пропадём! – с воодушевлением воскликнул мальчонка.

На другой день, перед отъездом, Никодим наведаясь к отцу Владимиру – поблагодарить и попрощаться. Протоиерей после пожара расхворался и лежал в постели. Доктор, прибывший из Благовещенска, диагностировал отравление дымом. Это, впрочем, всем было ясно и без него. Вместо помощи лекарь дал издевательский совет: «Кушайте побольше фруктов, ягод и молитесь Богу», – и был таков.

– Слабость вот в ногах, да сердце колет, – пожаловался Никодиму отец Владимир. – Иногда тошнит... Уж третий день так лежу. Но ничего, Бог милостив, не оставит раба своего... Главное, дети живы. Спасены Божьей рукой...

– Не хворайте, отец Владимир! А мы с Серёженькой будем молиться за вас! Вот кедровых орешков из тайги привёз. Кушайте! Они силы дают...

– Благодарствую! Бог милостив.

– Благословите, батюшка! Нынче мы с Серёженькой уезжаем. Не знаю, свидимся ли?..

– Бог да благословит!

В Благовещенске Никодим решил, не жалея денег, закупить с прицелом на зиму всё необходимое для себя и крестника: когда ещё появится возможность приехать в город?.. Вдвоём посетили мануфактурный магазин братьев Платоновых на улице Амурской, который располагался на первом этаже двухэтажного кирпичного здания, с таким обилием пилястров и сандриков¹¹, что рябило в глазах.

На выходе из магазина Никодим, нагруженный свёртками, столкнулся с Василием. Тот был, по обыкновению, разодет в пух и прах: красная рубашка, зелёная черкеска, синие шаровары с жёлтыми лампасами; на ногах блестели хромовые сапоги, а голову венчала чёрная папаха с красным суконным верхом.

– Мое почтение, господин губернский секретарь! – воскликнул Василий, бросив взгляд на петлицы Никодима.

– Здорово, Василий! А ты всё в приказчиках у Афанасьева? Или на казацкую службу подался?

– Бери выше! Ушёл я от него. Теперь я представитель торгового дома «Чурин и компания». Вот, нынче уезжаю в Харбин по делам торговли.

– Василий! – сказал с нажимом Никодим. – Скажи, это не твоих рук дело с пожаром в доме Марьи?

– Ты что, Никодим?! – искренне возмутился Василий. – За кого меня принимаешь? Я, может, парень и шепутной, но грех смертоубийства на душу не возьму... Тем более Марью... Я же её любил.

– От любви до ненависти один шаг...

Василий отвернулся, сделал несколько шагов в сторону, затем решительно возвратился к Никодиму.

¹¹ Сандрик – архитектурный элемент, горизонтальная «полочка» над наличником оконного или дверного проёма.

– Эх, была не была! Я всё равно сюда уже не вернусь – останусь в Харбине. – Торговец приблизился к Никодиму и зашептал: – Афанасьева это дело. Я Марью предупредил, но она не послушалась меня... Не стоило ей ворошить прошлое.

– Какое такое «прошлое»? – озадачился Никодим. – И при чём тут Евсей Петрович? Он же дочь Марьи к себе на воспитание забрал.

– Да потому что это он убил Михаила. Я это самолично видел. А Марья пригрозила, что пожалуется губернатору. Вот Евсей Петрович и подговорил своих людей её прибить, а дом поджечь... Афанасьеву всё сходит с рук, везде свои люди...

– Ах вот оно как... А что ж ты молчал?! Не заявил куда следует?

– Ай, нет! Мне моя жизнь дороже. Ну прощевайте, господин губернский секретарь! Вы ничего не слышали, а я вам ничего не говорил!

Василий развернулся на каблуках и исчез в глубине магазина. Высокие дубовые двери закрылись за ним, оставив Никодима в глубоком раздумье.

Глава 2. Беглые каторжане

По расчищенной просеке крались трое каторжан. Накануне они бежали с прииска, убив двоих надзирателей и захватив их оружие; от погони оторвались, углубившись в тайгу. С собой троица несла полпуда золота, намытого на Амуре, – почти год они прятали его в расщелине от чужих глаз.

Каторжанин по прозвищу Сиплый считался среди них вожаком. Не только потому, что был старше и опытнее, но благодаря умению подавлять чужую волю. Именно он придумал утаить ото всех золотую жилу, а самородки день изо дня прятать в неприметном месте; дальнейший план тоже принадлежал Сиплому: при удобном случае сбежать и вместе с ценным грузом пробираться в Китай; в Харбине сбуть золото ювелиру, готовому дать хорошую цену за контрабандный товар.

Второго каторжанина звали Фёдором. То был недалёкий малый, напоминающий обезьяну: коренастый и коротконогий, но с длинными цепкими руками. Его маленькие, близко посаженные глазёнки на всех смотрели исподлобья; только при виде Сиплого на губах Фёдора появлялась глуповатая улыбка; он был предан ему как собака – беспрекословно выполнял все его приказы, а тот, в свою очередь, ценил прихвостня за безмозглость и физическую силу.

Третий беглец держался особняком. Прибился к ним только потому, что сильно стремился на волю. Ничего о себе товарищам не рассказывал, лишь однажды обронил, что зовут Иваном. Фёдора он презирал, Сиплого сторонился, словно прокажённого, но ни в чём до поры до времени тому не прекословил – ждал, когда бывалый контрабандист выведет его к железной дороге. Сиплый знал заветное место, где можно было запрыгнуть в состав: там дорога с поворотом шла под уклон, заставляя поезда сбрасывать скорость. Проявив ловкость, можно было зацепиться и запрыгнуть в вагон, лучше всего – товарняка, эти составы проверяли меньше.

Сиплый обещал провести своих сообщников сквозь тайгу к этому месту, но из-за погони заплутал. Хорошо, что преследователи не знали про золото, иначе бы не дали уйти...

– Сиплый, да ты точно знаешь, куда нас ведёшь? – спросил Иван со злостью.

– Не бойсь, со мной не пропадёшь! Видишь, мы идём по просеке, а не по звериной тропе. Значит, куда-нибудь к людям выйдем. Вот свежая вырубка – значит, недалеко и жильё...

– И что? – недоверчиво спросил Иван. – Нам не люди нужны, а путь к железке.

Сиплый ничего не ответил, лишь ускорил шаг. А Фёдору всё было нипочём – нёс полпуда золота в мешке как пушинку, лишь бы Сиплый его не бросил, не оставил, а остальное трын-трава. Пусть только подаст знак, и он Ивана тотчас придушит, как курёнка. Фёдор гадко улыбнулся.

Иван понимал, что в этой банде он лишний и при случае от него наверняка попытаются избавиться, поэтому при побеге первым разоружил охранника. Сиплый тогда попытался отнять у него револьвер и передать Фёдору, угрожая наганом, но Иван отстоял право носить оружие. Только так он чувствовал себя в относительной безопасности.

Вдруг впереди послышались шуршанье листьев и треск ломаемых сучьев. Внезапно на просеку, прямо перед лиходеями, вышли двое. То, что они были ссыльными, сразу стало понятно по их одежде и измождённому виду.

– Стоять! – крикнул сиплый голос.

Те остановились, испуганно озираясь. Увидев лихих людей, немного успокоились, подобрались – тоже не лыком шиты, могут за себя постоять. Но самоуверенность с обоих быстро слетела, когда увидели направленные в лицо стволы.

– Кто такие? – спросил Сиплый. – Политические?..

– Да! – ответил один, старший по виду.

Сиплый самодовольно, насколько позволяло обезображенное лицо, улыбнулся.

– Политические! Я вашего брата за версту узнаю. Носитесь по лесу, как лося... Не разбирая ног. Вас так в два счёта найдут и сцапают.

Политические смущённо молчали. Лишь тот, что помоложе, сделал попытку возразить, но товарищ остановил его жестом.

– Куда путь держите?

– В Петербург.

Сиплый задохнулся от смеха. Фёдор тоже бездумно захохотал, а Иван криво усмехнулся.

– Что вы смеётесь? – вскинулся молодой политкаторжанин. – Да, мы держим путь в Петербург!

– Тебе, вашбродь, сначала надо из тайги выбраться, а потом уже думать о столице, – прохрипел Сиплый. – У вас дорогу к железке спрашивать, я думаю, бесполезно?

– Кажется, туда! – махнул рукой молодой.

– Ежели кажется – перекрестись! Хавчик есть?

– Нет, мы накануне всё съели!

– Ну-ка, Федя, проверь!

Фёдор вразвалочку направился к политическим. Сорвал с плеча одного мешок с вещами, потом другого... Развязав ляжки, высыпал содержимое на землю: книги, брошюры, полкраюхи хлеба и кусок сала.

– Ну во-о-о-от, а говорите, что нет жратвы... Нехорошо врать!

– Это был наш НЗ... – сказал молодой.

– Что-что? – насторожился Сиплый. – Какое такое «энзе»? Я вижу хлеб да сало!

– Ну, неприкасаемый запас. На самый крайний случай.

– Ха-ха-ха! Этот крайний случай наступил! Вы нас спасёте от неминуемой голодной смерти.

– Берите, ешьте, раз вы голодны! – сказал старший политический.

– Премного благодарен, вашбродь! Только мы сейчас есть не будем. Теперь это будет нашим энзе.

– Да прекращай меня благородием называть! Алексей Дмитриевич я.

– По мне хоть чёртом назовись – все вы из благородных! В общем так, господа каторжане.

Нам с вами не по пути. Нам прямо, а вам... не знаю куда! Будете идти за нами – пристрелю.

В разговор вмешался Иван:

– Слышь, Сиплый, тут, кажется, ещё люди... Слышите?!

Действительно, неподалёку раздалось лошадиное ржание, мужской окрик и плач ребёнка.

– О, это вовремя! На лошади мы быстрее доберёмся.

– Ребёнка хоть не трогайте! – сказал назвавшийся Алексеем Дмитриевичем.

– Тебя не спросил, вашбродь! Ну-ка, Федя, свяжи этих... покедова...

Фёдор подскочил к политкаторжанам и сноровисто связал верёвкой обоим руки и ноги, Иван в это время держал их под прицелом. А Сиплый отправился разведать обстановку: раздвинул ветки придорожных кустов и исчез, не издав при этом ни малейшего шороха.

Источник звуков он без труда обнаружил на небольшой кочковатой поляне: там лежала лошадь, а рядом стояли двое – мальчик лет семи и богатырского вида усатый мужчина с карабином в руке. Мужчина сокрушённо качал головой и почёсывал затылок, а мальчик плакал. Вот он присел к голове лошади и стал гладить её по чёлке. Лошадь всхрапнула, сделала попытку приподняться, но снова уронила голову на траву – задняя нога животного была сломана так, что выступал осколок кости через шкуру.

«Не жилица», – злорадно и вместе с тем с досадой подумал Сиплый: вариант с использованием лошади отпадал. Он хотел было скользнуть бесшумной змеёй к своим, но задержался в засаде, задумался...

Происшествие с лошадыю напомнило Сиплому историю двадцатилетней давности.

Был он тогда шустрым мальцом, и звали его человеческим именем – Ерофей, Ерошка. Сколько себя помнил, влекли его чужие огороды, сараи и амбары, а руки неудержимо тянулись ко всему, что плохо лежит. Отцовский окорот – ремнём ли по заду, вожжами ли по спине – возымел лишь одно действие: Ерошка примкнул к цыганам-конокрадам и бежал из дому.

Далась ему «коневая татьба» – научился воровать лошадей со двора со взломом и без, с выгона и табуна, а ещё – «как случай выйдет», немало набил троп, по которым уводил краденый скот. Из табуна воровал редко – трудно, да и смертельно опасно. Если выйдет промах, пастухи могли запороть кнутами так, что душа из тела вон.

Но однажды цыган по имени Егорий обманул его звериное чутьё, заверив, что кони выпущены на пастьбу безо всякого присмотра, однако на месте обнаружилось, что лошади таки поручены надзору пастухов.

Ночью конокрады дождались, когда приглянувшийся им вороной конь отдалится от табуна, подползли к нему с разных сторон, осторожно подвели под хвост верёвку и начали потихоньку выводить, направляя к ближайшим кустам, – точно рыбу тащили. Но неожиданно пастухи привели табун в движение, и вороной, устремившись вслед за всеми, в подскоке высоко взбрыкнул задними ногами и ударил копытами Ерошку в лицо.

Очнулся он в кибитке от дорожной тряски: перед глазами пелена – всё лицо замотано тряпками, дышать можно только ртом.

Когда табор встал, его передали старой цыганке, не выпускающей изо рта дымящуюся трубку. Травами и заговорами она выходила парня, но выправить обезображенное лицо, конечно же, была бессильна – нос его провалился, как у сифилитика, от лба через правый глаз на щеку протянулся неровный шрам, исчезли два передних зуба; даже голос изменился – стал приглушённо-хриплым, будто простуженным.

Ерофея не сильно печалило, что из-за этого ему дали кличку Сиплый, называли за глаза сифилитиком: чем страшнее он в глазах людей, тем лучше. По-настоящему бывший конокрад страдал только от невыносимых приступов головной боли, во время которых проклинал всех лошадей на свете, да и цыган в придачу...

Сиплый появился на просеке неожиданно – совершенно не в том месте, откуда уходил в дозор. Обрадовался ему лишь Фёдор, политические встретили настороженно, а Иван равнодушно, лишь подумал: «Вот чёрт уродливый! Ходит, как зверь!»

– С гужевым транспортом нам не гужеваться, лошади каюк, – сказал вожак. – Там у мужика карабин...

Сиплый жестом подозвал к себе товарищей и понизил голос настолько, что было слышно только своим – политические ничего не разобрали.

Глава 3. Встреча в лесу

Сергею едва хватило начатков мужества, чтобы не заплакать, когда Никодим схватился за карабин.

– Чтобы бедное животное не мучилось, – сказал он, – надо пристрелить...

– Никодимушка, давай вылечим Грозу! – воспротивился мальчик. – Ты же можешь, я видел, как ты её раньше лечил...

– Так это было дома, сынок. А сейчас мы далеко уехали. На руках не унесём – тяжёлая. Оставить её здесь – звери задерут. Ты иди пока к просеке, я догоню. Да не забудь свой мешок. Нам надо засветло добраться до заимки дяди Ивана...

Мужчина присел на землю возле лошади и начал нащёптывать ей ласковые слова, поглаживая холку; как только мальчик скрылся из виду за стволами деревьев, он встал и передёрнул затвор карабина.

Серёжа тем временем углубился в кусты, где зажал уши, не желая слышать выстрела, даже глаза зажмурил от невыносимого чувства жалости к несчастной Грозе. Поэтому он не услышал, как хрустнула ветка за спиной, и не сразу понял, что произошло, когда чья-то грубая шершавая ладонь зажала ему рот.

Запоздалая попытка вырваться была пресечена сильной рукой и злым шёпотом:

– Цыц, паря! Иди вперёд и не пищи! Придушу!

Серёжа, решив до поры до времени не трепыхаться, хладнокровно дал вытащить себя на просеку. Там он увидел ещё четверых незнакомцев: двое из них сидели на земле со связанными руками, а двое других стояли с оружием в руках – с револьверами. Серёжа видел такой у лесничего.

– Федя, ты мальчишку-то отпусти, – сказал один из них сильным голосом. – Пусть голос подаст... а мы его батяню, значит, здесь обождём. Только из рук не выпускай. Убежит ещё.

Шершавая ладонь освободила рот Серёжи, но тут же цепко схватила за ворот. Он брезгливо вытер рукавом губы и не издал ни звука. Бандит тряхнул его за шкуру:

– Кричи!

– А незачем ему кричать – тут я! – неведомо откуда пророкотал басовитый голос.

Бандиты заозирались, но не сумели сквозь листву разглядеть условный жест, который показал Серёже из зарослей можжевельника его крёстный отец. Мальчик немедля понял, какой приём ему следует применить, чтобы освободиться от захвата.

Он крепко схватил Фёдора за рукав и, резко закрутившись вокруг своей «оси», упал на спину, увлекая его за собой. Пока падал, успел выставить прямую ногу вверх, целя в открытое горло бандита. Тот, потеряв равновесие, грузно упал, напорвшись на жёсткую, тренированную пятку мальчика.

* * *

Серёжа загодя был подготовлен своим попечителем к подобным ситуациям, ведь им приходилось жить в краю ссыльных каторжан: по тайге бродило немало лихих людей. Если сам Никодим, полагаясь на свою невероятную силу, мог постоять за себя, то из Серёженьки ему предстояло кропотливо воспитать бойца.

На помощь себе в этом деле он призвал Онганчу, который не признавал огнестрельного оружия за его шум и грохот. Тунгус изготовил Серёже лук и стрелы, научил пользоваться ножом и ставить капканы, а Никодим обучал крестника умению обращаться с казацкой саблей, нагайкой и карабином. К семи годам Сергей всем этим недурно владел.

Труднее всего ему давалась буза¹² – казачье боевое искусство, напоминающее пляску, – во многом потому, что не имел напарника своего возраста, да и физически это было очень тяжело.

– Буза, – говорил Никодим, – это, сынок, подготовка движений, из которых в бою вырастают удары, защиты и броски. Так что пляши! Это готовит казака к сражению стоя, лёжа, сидя и на корточках.

Грузное телосложение не мешало ему показывать Серёже, как совершается хождение вприсядку, качение, прыжки и падения.

– Старики говорили, что раньше «ломание бузы» было обязательным в подготовке всадников наряду с джигитовкой. Упавший с коня всадник вприсядку может уйти от сабельного удара, выбить из седла противника и завладеть его конём, проскочить под брюхом скачущей лошади и подрезать ей паховину. А до чего же хороша буза в толкучке...

Под звуки бубна Онганчи и частушки Никодима мальчик почти ежедневно ломал бузу.

*Ходи, хата, ходи, хата,
Ходи, курица, хохлата,
Ходи, сени и порог,
И сметана, и творог.¹³*

Ему требовалось достичь «плына», то есть плясать, выпадая из ритма пляски и музыки, петь припевки в такт и лад своим телодвижениям.

*Ой, топни, нога,
Не жалей сапога,
Тягька новые сошьёт
Или эти подошьёт.*

Никодим заверял, что буза пригодится, когда случится в жизни Серёжи настоящая драка, – тогда он всё-всё увидит иначе, как бы со стороны.

*Пойду плясать —
Дома нечего кусать:
Сухари да корки —
На ногах опорки.*

Как-то раз уставший Серёжа упал без сил под ноги Онганчи и взмолил Никодима о пощаде:

– Не могу больше! Зачем мне это надо? Почему так тяжело? Лучше из лука стрелять или из карабина.

– Э, паря, – сказал ему тунгус, – трудности на самом деле являются частью твоей цели. Думай только о цели – каким ты станешь сильным и смелым. Помощником Никодиму... и мне...

– Не жалей его! – возмутился Никодим. – Идите из лука стрелять, раз он боится трудностей в бузе. Сегодня лишая тебя карабина за проявленную слабость, Сергей!

Мальчик с поникшей головой отошёл с тунгусом к соломенным мишеням. Там и продолжили беседу.

¹² Буза – самое частое в употреблении название, и вместе с бойцовской мелодией и пляской это понятие обозначало как саму драку, так и боевую технику. Впервые о бузе как об искусстве упоминается в книге «Ода кулачному бойцу» И. С. Баркова, датированной 1750 годом.

¹³ Казацкие плясовые частушки.

– Онганча, скажи... как надо преодолевать трудности?

– Вот смотри! Ты сейчас будешь стрелять из моего лука. Представь, что мишень далеко и ты её не видишь, потому как утренний туман. Разве ты будешь бороться с туманом? Нет! Ты выберешь другую позицию или подождёшь, когда подует ветер и туман развеется. Теперь мишень видна, но дует боковой ветер. Разве ты будешь бороться с ветром? Опять нет! Ты определяешь его направление и делаешь поправку, выпуская стрелу немного под другим углом. Но мой лук тяжёлый и тугой, у тебя не хватает сил натянуть тетиву. Разве ты будешь бороться с луком? Нет! Ты будешь каждый день тренироваться, укреплять свои пальцы и мышцы, с каждым разом всё сильнее натягивая тетиву.

– Но есть же люди, которые стреляют из лёгкого лука, и когда нет тумана и ветра.

– Никогда не смотри на других, – улыбнулся Онганча. – У каждого свой лук, свои стрелы, свои мишень и время для выстрела. И твоё тоже наступит когда-нибудь.

Тунгус наклонился к Серёже и, понизив голос, спросил:

– Хочешь, открою тебе страшную тайну, мой мальчик?

– Да, хочу! – сказал так же шёпотом Серёжа. – Скажи!

– Туман опускается на землю не для того, чтобы помешать твоему выстрелу, ветер начинает дуть не для того, чтобы увести твою стрелу в сторону, мой лук сделан не для того, чтобы показать твою слабость, и Никодим появился в твоей жизни не для того, чтобы создавать трудности. Они существуют сами по себе. И ещё запомни: Никодим тебя любит, дороже тебя у него нет никого. Он лишь хочет, чтобы ты умел постоять за себя, когда его не будет рядом.

* * *

Происшествие на просеке подтвердило и правильность слов Онганчи, и жёсткость Никодима, но у Серёжи не было времени это осознать, потому что почти одновременно с его падением на спину раздались выстрелы из карабина. Сиплый и Иван, получив ранения, рухнули на землю, не успев ответить огнём.

Никодим тотчас вышел из укрытия и подобрал револьверы чужаков, поглядывая на Серёжу – всё ли с ним в порядке. Затем обратился к связанным людям:

– А вы кто такие?

– Здравствуйте, добрый человек! – сказал старший, пытаясь встать.

Не получилось. Тогда они с товарищем оперлись друг о друга плечами и с натугой поднялись.

– Не изволите ли развязать нам руки? А то, знаете ли, затекли так, что говорить тяжело.

– Вы не ответили на вопрос...

– Разве нет?.. Да политкаторжане мы. А эти – уголовные. Случайно встретились. Мы пытались помешать захвату ребёнка вашего, но они нас связали. Я так понял, что им нужно было ваше оружие. Меня зовут Алексей Дмитриевич. А напарника моего – Андрей. Я из Санкт-Петербурга родом. А Андрей Евгеньевич – с Урала, с Верхотурья, может, слышали?.. Он окончил Казанский университет. Сюда были сосланы в прошлом году. Вот, дела партии снова позвали в путь.

Никодим подумал немного и развязал ссыльным руки. Андрей сразу бросился осматривать раненых. Со слов Алексея Дмитриевича, тот был врачом.

В это же время очухался Фёдор, очумело завертел головой и, увидев окровавленного Сиплого, схватился за пояс, где у него ранее висел нож – большой тесак. Но нож уже находился в руках мальчишки, который, судя по всему, неплохо умел пользоваться колюще-режущим оружием. Приблизиться к Серёже Фёдор не рискнул.

Между тем Андрей решил оказать помощь раненым – у него лежали кое-какие инструменты в наплечной сумке: почистил раны, перевязал. Повреждения оказались пустячными – у того и другого в плечо навывлет, кости не задеты, крови немного.

– И что мне прикажете делать с вами?! – спросил Никодим, почёсывая затылок.

– Да отпустите вы их, – просительно сказал Алексей Дмитриевич, потирая запястья. – Они своё получили. Им надо напрямиком на железную дорогу. А нас, если возможно, приютите на некоторое время. Мы надолго вас не стесним. Можем помочь по хозяйству – мы работы не боимся, вы не думайте...

Никодим повернулся к уголовникам, ожидавшим своей участи под присмотром мальчишки, и, напустив строгости в голос, и без того весьма внушительный, пророкотал:

– Так, ноги в руки, господа лихие, и – по этой просеке до самого конца. Дальше сами разберётесь!

– Оружие верни!

– Сынок, отдай им тесак. Вам этого достаточно будет. Левольверы не отдам! Ступайте, ну!

Чужаки подобрали свои вещички и двинулись в указанном направлении. А политические отправились с Никодимом хоронить Грозу. Более того, вызвались тащить на себе седло.

По дороге Алексей Дмитриевич быстро нашёл общий язык с Серёжей и, когда выяснил, что тот почти ничего не знает, кроме букв из азбуки с картинками, бросился догонять Никодима.

– Как же так! – укорял он своего спасителя. – Я, конечно, позанимаюсь с мальчиком чтением и математикой, но его надо в гимназию отдавать!

– А на что ему грамота? В лесу и так проживём.

– Ну, не век же будете мальчика в тайге держать?!

– В следующем году обещали вернуть меня в Благовещенск. Наверное, соглашусь...

До займки Дементьева добрались затемно.

Спать легли сразу после ужина, с тем чтобы на рассвете тронуться в путь – хозяин обещал довести их на своей телеге. Только Серёжа, взбудораженный Алексеем Дмитриевичем, долго не мог уснуть: ему хотелось как можно быстрее приступить к урокам, складывать буквы в слова, слова – в предложения.

Наверное, грамота – это тоже трудность, которая существует сама по себе...

Глава 4. Политкаторжане

На подъезде к усадьбе Никодима встретили Онганча и Чингиз.

Тунгус, не выказывая беспокойства отсутствием лесного инспектора, невозмутимо дымил трубкой, а пёс, напротив, не сдерживал радости и носился вокруг прибывших.

Онганча без лишних вопросов догадался о потере Грозы.

– Однако, у моего соседа есть хорошая лошадь на продажу... – предложил он Никодиму.

Тот только благодарно посмотрел в ответ: мол, потом обговорим, так как Дементьев, которому предстояло ехать в город, торопил с разгрузкой поклажи. Впрочем, он не отказался выпить на дорожку травяного чая с мёдом.

До окраины поляны его телегу проводил Чингиз. По возвращении пёс надменно уклонился от общения с чужаками, хотя те пытались задобрить его куском хлеба, побежал к сараю, где расстроенный хозяин пристраивал осиротевшее седло на колодку под навесом.

Зато Серёжа ни на шаг не отходил от политических и ловил каждое слово их разговора.

– Вот я и говорю, Алексей Дмитриевич, уважаемый, что самая свобода в России – это здесь. Прав был Антон Павлович, у меня тут записано, смотрите: «... право, сколько я видел богатства и столько получил наслаждений, что и помереть теперь не страшно. Люди на Амуре оригинальные, жизнь интересная, не похожа на нашу. Только и разговора, что о золоте. Золото, золото и больше ничего... Я в Амур влюблён; охотно бы пожил на нём года два. И красиво, и просторно, и свободно, и тепло. Швейцария и Франция никогда не знали такой свободы. Последний ссыльный дышит на Амуре легче, чем самый первый генерал в России»¹⁴. А вы говорите, надо в столицу ехать.

– С утверждением писателя согласен, – сказал Алексей Дмитриевич, – но с вами – нет, любезный Андрей Евгеньевич. Вы в ваших университетах либеральничать научились, а вот партийную дисциплину позабыли. Мы с вами нужны в Петербурге. И точка.

Заметив, что мальчик с интересом прислушивается к их беседе, обратился к нему:

– Серёжа, где тут у вас можно искупнуться? Страсть как хочу смыть дорожную пыль...

– Ну, если хотите, я провожу вас до ручья. Там бобры запруду сделали. Я туда хожу. Правда, вода холодная...

– Пойдём, Сергей. Андрей Евгеньевич, вы как?

– Я попробую уговорить Никодима на баньку... Не мешало бы нам пропарить кости. Вы идите пока...

Серёжа в сопровождении Алексея Дмитриевича и Чингиза направился на дальний конец поляны. Пёс, убежав вперёд, вспугнул у кромки поляны рябчика с выводком. Серо-коричневые крапчатые комки вспорхнули и, пролетев небольшое расстояние, сели на густые еловые ветви. Чингиз озадаченно остановился, посмотрел на людей, но, не дождавшись от них призыва к охоте, потрусил вперёд.

Пруд, наполненный чистой родниковой водой, блестел зеркальной поверхностью, отражающей синее небо и кроны деревьев. Зато дальний его конец представлял собой нагромождение стволов, веток и травы – то была работа бобров, природных лесорубов. Алексей Дмитриевич обратил внимание на слив, предохраняющий луг от чрезмерного проникновения воды. Это уже было делом рук человеческих.

Вода действительно оказалась очень холодной. Но, несмотря на это, Алексей Дмитриевич без раздумий нырнул в неё с головой и, взбодрившись таким образом, проплыл несколько

¹⁴ Антон Павлович Чехов, русский писатель. В июне 1890 года был проездом в Благовещенске, откуда отправил два письма друзьям и родным.

саженей. Но и этого ему показалось мало – перевернулся на спину и стал рассматривать плывущие по небу облака.

Неизвестно, сколько бы он так блаженствовал, если бы Серёжа не обеспокоился на берегу:

– Дядя Лёша, вы, часом, не уснули? Или не мёрзнете совсем? Вода здесь даже в самый жаркий день не нагревается.

– А это всё потому, что родники бьют из-под земли, хлопец, – сказал Алексей Дмитриевич, вылезая на сушу. – Ты тоже можешь научиться не бояться холода и никогда не болеть...

– Вправду научите? – обрадовался мальчик. – А то Никодим мне запрещает залезать в воду. Я могу только разок нырнуть, и всё.

В тоне его голоса прозвучала такая жажда нового, неизведанного, что матёрый политка-торжанин поведал ему свою историю.

* * *

Техникой «внутреннего огня» Алексей Дмитриевич овладел в Горно-Зерентуйской каторжной тюрьме, примечательной совместным содержанием уголовных и политических¹⁵.

Среди каторжан тогда молодому Алексею приглянулся китайский революционер. Как он попал из горного Тибета в революционный Петербург – неведомо; разговаривал мало, больше сидел, поджав ноги и уставившись в одну точку, работать на серебряноцинковый рудник выходил вместе со всеми.

Алексей удивлялся тому, как стойко тибетец в лёгкой одежде переносил жесточайший холод и поистине каторжный труд. Монотонно махал кайлом – только пар валит.

В конце концов тот обратил внимание на вечно дрожащего от холода юношу и вечером в тюремной камере заговорил с ним.

– Дыси! – это было первое слово, обращённое к нему тибетцем.

Алексей недоумённо уставился на сокамерника, сидящего с полузакрытыми глазами.

– Дыси! – тот проделал странные движения руками, как бы сдувая и раздувая шар. – Вдох, задержка, вы-ы-выдох! Вдох, задержка, вы-ы-выдох! Вдох – выдох! Понял? Копи тумо...

– Что такое «тумо»? – спросил заинтересованно Алексей.

– Тепло, пламя, энергия... Сладостное тепло покровов Бога.

Таньба (так звали тибетца) показал ему, как надо сесть, скрестив ноги, и стал объяснять, забавно коверкая русские слова.

– Руки положи на колени, – сказал он. – Вот эти пальцы подогни, а остальные вытяни. Теперь дыши животом. Вдох – живот раздувается, выдох – сдувается... Подыши так некоторое время. Представь, что ты вместе с выдохом извергаешь из себя гнев и гордость, ненависть и алчность, лень и глупость. Дыши!

Таньба положил свою тёплую ладонь на живот Алексея и стал помогать накоплению загадочного тумо.

– Вдох-выдох, вдох-выдох, вдох-выдох...

То ли от тёплой руки Таньбы, то ли от глубокого ритмичного дыхания напряжение в теле молодого каторжанина стало спадать, а по животу разлилось тепло.

– Теперь представь, – продолжил тибетец, – что с каждым вдохом ты пьёшь дух Будды, дух твоего Бога, мудрость и всё, что существует в мире благородного и прекрасного.

¹⁵ Горный Зерентуй – село (ранее посёлок городского типа) в Нерчинско-Заводском районе Забайкальского края, Россия. Первые каторжане появились в Зерентуе во 2-й половине XVIII века. После подавления революции 1905–1907 годов в Зерентуйской каторжной тюрьме находилось свыше 800 заключённых.

Сосредоточься на этом, отрешись от всего, что тебя окружает, погрузись в покой. Теперь вообрази в своём теле, в области пупка, золотой лотос. А в центре лотоса – сияющее солнце. И от этого солнца по всему телу разливается тепло...

С первого раза, конечно, у Алексея почти ничего не получилось. Но помощь Таньбы, его тёплые, почти горячие руки помогли снять скованность в теле, и он впервые за многие зимние месяцы смог уснуть умиротворённо – не ощущая холода.

В последующие дни обучение правильному дыханию продолжилось. Если в первый день Таньба обучил его, как расслаблять тело и отрешаться от происходящего, то потом они сосредоточились на собственно тумо.

Тумо вызывалось с помощью задержки дыхания и особыми движениями живота. Медленные, глубокие вдохи действовали наподобие кузнечных мехов, раздувающих огонь в тлеющих углях. Оказалось, в человеческом теле есть всего один уголёк – он находится в центре лотоса. Таньба смешно сравнил его с овечьим помётом: мол, такой же величины. Каждый осторожный, глубокий вдох давал Алексею ощущение струи воздуха, проникающего до пупка и раздувающего огонь. После вдоха он задерживал дыхание, причём длительность задержки с каждым разом возрастала. Приходилось сосредоточенно следить за рождением пламени – внимание должно было полностью занимать этот процесс, исключив все другие мысли.

Сначала Алексею было сложно сосредоточиться на пламени: мешали холод, голод и громкие разговоры сокамерников. Но постепенно с помощью тибетца он овладел концентрацией: ему понадобилось не менее часа, чтобы вообразить в своём теле сосуд толщиной с волос, установить его на пупке и наполнить пламенем, раздувая его всё больше и больше дыханием.

Шаг за шагом Алексей научился делать свой «сосуд» толщиной с мизинец, потом с руку, и в конце концов он объял всё его тело, став размером с печную трубу. Ощущение телесности исчезло – непомерно раздувшийся сосуд расширился до пределов Вселенной. Тогда Алексей почувствовал, будто сам превращается в развеваемое ветром пламя посреди полыхающих волн огненного моря; возникло желание согреть собою всех находящихся рядом людей. Но тут Таньба приказал ему остановиться и свернуть видение в обратном порядке.

С тех пор Алексей проделывал это упражнение дважды в день.

Удивительный был человек Таньба. Алексей Дмитриевич многому успел научиться у него, прежде чем тот исчез – ночью, не попрощавшись с учеником, лишь небольшую статуэтку Будды оставил вместо себя на нарах. По пробуждении Алексей объяснил себе отсутствие Таньбы вызовом тюремного начальства. Но тот не появился даже тогда, когда их повели на рудник. Всполошившиеся охранники начали ломать голову над тем, как тибетец мог исчезнуть – словно в воздухе растворился, а Алексей к этому моменту уже осознал, что учитель всё же попрощался с ним и статуэтка предназначена для него, так как имя Таньба в переводе с тибетского означает «буддизм».

А ещё он вспомнил, как однажды спросил Таньбу:

– Что ты делаешь среди нас? Почему не убежишь, владея такими способностями?

– Это мой путь, Алёша. Я должен его пройти. Когда придёт время, я получу знак и уйду...

Может быть, Таньба очутился в Горно-Зерентуйской тюрьме только для того, чтобы сделать юного революционера неуязвимым в будущей суровой борьбе, и, как только миссия была выполнена, покинул его? Алексей Дмитриевич, будучи атеистом, отрицал провидение и никогда не рассматривал встречу с тибетцем под таким углом.

...Но сейчас, видя перед собой восхищённые глаза пытливого мальчика, он остро чувствовал себя звеном мистической духовной цепи и святую – да, святую, как бы это ужасно ни звучало для марксиста! – обязанность передать свои знания Серёже.

* * *

Было решено, что политические поживут в лесной сторожке Никодима до осени. С холодами попробуют уйти по железной дороге. Для этой цели нужны были хорошие документы, о которых обещал похлопотать Иван Дементьев. Он испытывал пиетет перед гостями Никодима и во время частых приездов долго засиживался с ними, оживлённо беседуя. Даже предложил обоим переехать к нему, но, поскольку Алексей Дмитриевич взялся за обучение Серёжи грамоте, предложение было отвергнуто.

Благодаря природной смекалке учёба давалась мальчику легко. Уже через месяц он мог читать по слогам любую статью в газете. Но Алексей Дмитриевич, разумеется, не собирался на этом останавливаться и вручил Никодиму список учебников, которые необходимо было купить в городе.

– Никодим, уважаемый, Серёжа делает грандиозные успехи в учёбе! Умоляю, не дайте ребёнку здесь зачахнуть! Пусть учится!

– Дык, а я что? Я ж не против...

– Узнайте, наверняка в Благовещенске имеется гимназия с пансионом. Вы бы могли отдать Серёжу туда за умеренную плату. Или, если есть реальное училище, то лучше выбрать его¹⁶. Сейчас наступает век технический.

– Я бы посоветовал всё же выбрать гимназию, – вмешался в разговор Андрей Евгеньевич. – Там дают более разностороннее образование. Правда, плата может оказаться непосильной в связи с известным циркуляром.

Он имел в виду знаменитый циркуляр 1887 года «О сокращении гимназического образования», прозванный «циркуляром о кухаркиных детях», который делал образование менее доступным для простолюдинов.

Предыстория появления этого циркуляра была связана с Новочеркасском. Однажды там в мужской гимназии, рядом с кабинетом директора, взорвали бомбу. Мало того, что это был из ряда вон выходящий случай сам по себе, так один из арестованных по делу, народоволец Генералов, оказался выпускником этой гимназии. Тогда и были разработаны некоторые меры с целью затруднить для низших слоев доступ в гимназии. Помимо повышения платы за учёбу оказались закрытыми приготовительные классы, которые являлись большим подспорьем для бедных родителей, желающих вывести своих детей в люди.

Никодим долго собирался с духом, прежде чем навеститься с прошением в Благовещенскую мужскую гимназию. С одной стороны, он понимал, что Алексей Дмитриевич прав – крестнику необходимо учиться, с другой стороны – не хотел отпускать мальчишку от себя.

Но устроилось всё как должно и как нельзя лучше. Никодим, преодолев сомнения, наконец переступил порог двухэтажного деревянного здания гимназии на пересечении улиц Графской и Большой и был принят там более чем благосклонно. Немало тому способствовала его готовность немедля внести плату за годовое обучение – целых двадцать пять рублей. Тут же, в гимназической канцелярии, ему посоветовали некую Марфу Петровну, учительницу французского языка в младших классах гимназии, которая сдавала комнаты, причём предпочтение отдавала сиротам.

Отправившись по указанному адресу, Никодим ожидал увидеть чопорную величественную старуху, но Марфа Петровна оказалась вовсе не такой: приветливая сухонькая женщина небольшого роста. Помимо преподавания в гимназии она давала частные уроки и держала в услужении кухарку.

¹⁶ В царской России существовали два типа средних учебных заведений: гимназии и реальные училища. Гимназии были с гуманитарным уклоном, а реальные училища – с техническим.

Быстро договорившись с ней о плате за проживание и о том, что Серёжа прибудет за несколько дней до начала занятий, Никодим заспешил по своим делам: ему ещё предстояло заехать в лесную управу за денежным довольствием, купить книги по списку, составленному Алексеем Дмитриевичем, и заказать форменную одежду для будущего гимназиста. Пусть у Серёжи всё будет не хуже, чем у других.

Глава 5. Закон – тайга, медведь – хозяин...

Никодим возвращался в дом лесной стражи на справной выносливой лошади – коренной, с крупной головой и большими красивыми глазами. Он купил её по рекомендации Онганчи, знавшего толк в лошадях монгольской породы: их немаловажными качествами были сообразительность, умение быстро ориентироваться в пространстве и преданность хозяину. Спокойными и дружелюбными с новыми хозяевами они становились в первый же день.

Вместе с лошадью Никодиму досталось высокое монгольское седло на деревянном каркасе. Оно позволяло удобно располагаться на низкорослой гнедой и хорошо контролировать её бег. Впрочем, новой лошади не требовалось особого управления: она, в зависимости от рельефа местности, сама выбирала путь и аллюр. Так что Никодиму ничего не оставалось, как предаваться своим думам, пока удивительно сообразительное животное везло его домой. Маршрут он немного изменил: решил сначала проехаться вдоль железнодорожной насыпи, а уже потом свернуть на просеку, чтобы проверить, убралась ли восвояси злокозненная троица: могли и непотушенный костёр оставить – с них станется.

В пути Никодим проявлял предельную осторожность. Тем более в памяти была свежа история про сахалинских каторжан, рассказанная накануне, после вечернего самовара, верхо-турским доктором Андреем Евгеньевичем.

– Среди сахалинских каторжан есть так называемые иваны́, – поведал он, – то бишь наиболее почитаемые, авторитетные люди¹⁷. Имелся среди них такой по фамилии – или кличка такая была? – Губарь. Этот человек обладал непререкаемым авторитетом и совершил множество побегов с каторги. И что примечательно, каждый раз ловили только его, а остальные подельники или погибали, или пропадали без вести. Возникло подозрение, что он съедает своих товарищей.

– Господи, помилуй и сохрани! – воскликнул Никодим, перекрестившись.

– Доказать его людоедство не удавалось долгое время, в том числе и потому, что лесные звери поедали останки его сообщников. Однажды, во время строительства Онорской дороги – это дорога на север Сахалина, Губарь опять пустился в бег. На этот раз взял с собой матёрого каторжника Васильева и некоего двадцатилетнего Федотова. Через две недели двоих беглецов, Губаря и Васильева, поймали. Вот тут-то и выяснилось, что на одной из стоянок бедный Федотов был убит, разделан на куски и зажарен на костре.

«Душегубы!» – не выдержал Никодим и вышел на крыльцо глотнуть свежего воздуха: такие страсти рассказывает этот доктор... Но через минуту любопытство взяло верх, и он вернулся в избу, чтобы дослушать.

– Обо всём этом поведал Васильев, – продолжил Андрей Евгеньевич, – дав таким образом показания на своего подельника. Тем не менее они оба получили одинаковое наказание: по сорок восемь ударов кнутом.

– Надеюсь, забили их? – спросил Никодим, кипя негодованием.

– Жестоким и циничным обращением с Федотовым были возмущены многие каторжане. Они собрали для тюремного палача пятнадцать рублей, чтобы тот насмерть запорол иванá. Васильев перенёс порку относительно легко, он был сильный человек. А вот Губарь потерял сознание, но доктор не остановил экзекуцию – иван получил отмеренную ему порцию сполна. Через три дня скончался в тюремном лазарете.

– А что стало с другим? – спросил Алексей Дмитриевич. – Ну, с тем, Васильевым!

– С ним произошли удивительные метаморфозы, – сказал доктор. – А не выпить ли нам ещё чайку, Никодим? А то в горле пересохло...

¹⁷ Так называемые «иваны» – каторжанские «авторитеты» – во многом аналогичны нынешним «ворам в законе».

- После такой жути можно чего и покрепче выпить, – предложил хозяин.
- Если вы настаиваете, то можно пропустить чарочку! – оживился Андрей Евгеньевич.
- Я тоже не против, – поддержал Алексей Дмитриевич.

Никодим достал из погреба завернутую в тряпку глиняную бутылку. Разлили и выпили за здоровье.

Заметно повеселевший доктор вернулся к рассказу:

– Васильев оказался человеком сильным физически, но с психическим изъяном. После экзекуции, которую он, впрочем, перенёс без последствий для физического здоровья, сделался мнительным. В каждом каторжанине видел врага, угрожал убить. Видя такое дело, тюремное начальство поместило его в карцер. Там он умудрился выломать доску из стены и приготовился сражаться с караулом. В течение двенадцати часов держал оборону. В конце концов караул сумел его обезоружить и поместить в лазарет. Но там он не подпускал никого, отказывался от еды, мол, доктор его хочет отравить. Через несколько дней сбежал, но спустя месяц был пойман возле дома каторжанского врача, где сидел в засаде – порешить его хотел. Но тот выказал милосердие и упросил тюремное начальство не сажать душевнобольного в тюрьму, а поместить в лечебницу. Там Васильев исцелился и вошёл с доктором в самые доверительные отношения, сделался его ближайшим другом.

– Воистину прекрасный пример христианского отношения к ближнему! – воскликнул Никодим, впечатлённый финалом истории.

– По мне, это прекрасный пример человеческого двуличия, – не согласился Алексей Дмитриевич. – Втёрся в доверие к доктору, изобразив сумасшедшего, и облегчил себе жизнь. Таких надо сразу вешать на первом фонарном столбе. Чем он лучше Губаря?!

– Друзья, давайте не будем спорить! – предложил Андрей Евгеньевич. – Никодим, налейте ещё по чарочке, и я вам лучше расскажу про урядника.

– Про какого такого урядника? – пробасил с улыбкой Никодим. – Не про моего ли бывшего командира?

– Может, и про вашего, – сказал доктор. – Вот слушайте. Выходит, значит, урядник из кабака. Пьяный в дымагу! Спускается с крыльца, отвязывает коня, кое-как вдевает ногу в стремя, кричит: «А теперь помогите, святые угодники!» Оттолкнулся, перелетел через седло и... шлёп на другую сторону. Сидит на земле и бурчит: «Вы что, очумели? Ну не все же сразу!»

Дружный хохот разорвал тишину избы, даже Серёжа тогда проснулся.

...«Всё хорошо, сынок! Спи, ясный сокол», – Никодим невольно произнёс слова успокоения вслух.

Немудрено было забыть, где находишься, с лошадьёю, которая сама уверенно шла в нужном направлении, будто знала, куда надобно хозяину. Она свернула с насыпи на просеку именно в том месте, где произошла встреча с беглыми каторжанами, и прошествовала дальше. Никодим зорко осматривал землю вокруг себя, но никаких примет, что здесь проходили люди, не находил. Обычно следы сохраняются в течение нескольких дней. Неужели пошли другим путём?!

Банду Сиплого он обнаружил через несколько вёрст – в небольшом кармане просеки. По тому, как были изувечены тела каторжан, стало понятно, что здесь поработал зверь. Никодим спешил и, сняв с плеча карабин, обошёл ближайшие кусты, но ничего подозрительного не заметил. Затем не без содрогания приблизился к телам и принялся за их осмотр.

У всех троих были покусаны конечности – несчастные пытались сопротивляться. У Фёдора была оторвана голова, руки и ноги переломаны, внутренности выедены. Сиплого зверь таскал ещё более остервенело – его вообще было невозможно узнать: одежда изодрана, нет ни одного живого места на теле. «Похоже, *хозяин* поработал», – подумал Никодим.

Чему он был удивлён, так это тому, что третий из беглецов, Иван, всё ещё проявлял признаки жизни. Хотя из культы оторванной ноги уже перестала сочиться кровь – вся вытекла. Тем

не менее на его лице, превращённом в кровавое месиво, при появлении Никодима отразилась радость: слава богу, он видит перед собой – одним оставшимся глазом – человека, а не зверя.

– Мед... ведь... – булькнул Иван кровавой кашей во рту.

– Молчи, молчи, болезный... Нельзя разговаривать!

– Я... всё... конец... – прошелестел слабеющим голосом Иван. – Там... – он тщетно старался показать покалеченной рукой в направлении Феде. – Зо-ло-то...

Затем он прокашлялся, исторгая изо рта кровавые сгустки, и почти внятно проговорил:

– Похорони нас... Не оставляй зверью.

Никодим держал окровавленную руку Ивана до тех пор, пока тот не испустил дух. Затем, закрыв глаз усопшего, встал и окинул взглядом место жестокой баталии. Вот только где прячется её победитель? В том, что хозяин леса где-то рядом, Никодим не сомневался: просто насытился, а сам наверняка наблюдает за действиями пришлого человека, пропахшего порохом, и до поры до времени не будет нападать. «Если он не появился сразу, значит, ушёл далеко», – подумал Никодим.

Ему с трудом верилось, что на охраняемой им территории появился медведь-людоед. Откуда он пришёл? Никодим всех зверей на своём участке тайги знал наперечёт. Да и Иван Дементьев ни словом не обмолвился о медведе, который нападает на людей. Если это так, то кровь из носу друга надо известить, а людоеда известить. Тут только Онганча со своими соплеменниками способен помочь. Хотя в этом вопросе даже тунгусы-охотники могут быть бесильны, если судить по жуткой истории про медведя-людоеда, который опустошил чуть ли не всю деревню.

Произошло это спустя несколько лет после того, как охотники, убив в берлоге медведицу, забрали маленьких медвежат. Только не заметили они в глубине логова притаившегося пестуна¹⁸, который, уловив момент, выскочил и молниеносно скрылся в чаще леса. Один из охотников выстрелил ему вслед и ранил пестуна, судя по всему, в пятку. Эта версия подтвердилась, когда в тех краях появился медведь, припадающий на правую заднюю лапу. Впрочем, это не мешало ему успешно охотиться, причём засады свои он устраивал преимущественно в деревне тех самых охотников, убивших его мать, ведь медведь даже через десять лет помнит своего обидчика. Увидит, как кто-то вышел вечером до ветру или по какой иной нужде, хватя того и тащит в тайгу. И так каждый раз: то человека задерёт, то телёнка, то собаку... Никакой защиты не было от этого хромого людоеда. В итоге сельчане вынуждены были уйти из этих мест.

«Может, этот калека-людоед объявился в наших краях? – подумал Никодим, рассматривая примятую траву на поляне. – Здесь нужен хороший следопыт, чтобы прочесть следы. Зря я не взял с собой Чингиза».

Помолившись, Никодим снял притороченную к седлу лопату и, выбрав место, начал копать могилу. Предсмертным словам Ивана про какое-то золото он поначалу особого значения не придавал, но потом призадумался над ними. Воткнув лопату в землю, снова прошёлся вокруг трупов, но обнаружил лишь два пустых разодранных вещевых мешка. Людей трое, значит, должен быть ещё мешок. Где же он?

Никодим расширил зону поиска: стал заглядывать под кусты, осматривать деревья, растущие вокруг поляны. Наконец увидел котомку, зацепившуюся лямкой за толстый, коротко обломанный сук монгольского дуба. Видимо, сам Фёдор в пылу борьбы или же медведь откинули его в эту сторону.

¹⁸ Пестун – под этим названием понимается почти взрослый, от прошлого помёта, медведь-самец, оставляемый медведицей при себе в качестве няньки для новорождённых медвежат.

Увесистый мешок Никодим отнёс к лошади и привязал к седлу, рассматривать его содержимое, пока не завершено богоугодное дело – предание земле усопших, он счёл делом греховным.

Глава 6. Охота на людоеда

Поимку медведя-людоеда обсуждали вечерами у потрескивающего костерка, можно сказать, в медвежьих объятых осенних сумерек, когда багряный свет уходящего дня над зубчатой каймой леса напоминал звериный оскал.

Никодиму и впрямь было отчего тревожиться – мало того что следы зверя всё чаще обнаруживались на его участке, так недавно он напал на близлежащую деревню. Да так нагло, что поведение косолапого наводило на мысль об осознанном, мстительном вызове людям: выждал до рассвета, а затем, почуяв оживление за стеной, проник в жилище через окно и утащил вдового старика; почему-то он не стал его сразу убивать – растерзал за околицей.

Во время посиделок на брёвнах у костра Серёжа солидно, подражая взрослому, осведомлялся:

– Ну что скажешь, Онганча, посчёт людоеда? – Знал, что у того всегда есть свежие новости о «подвигах» безумного медведя.

Тунгус с тяжёлым вздохом принимался подробно докладывать об очередной неудаче:

– У Большого камня потерял след. Там медведь порвал лосёнка. Судя по следам, крупный, однако, зверь. Ещё был след крупного сохатого. Шибко опасно нападать на больших лосей во время гона. А этот медведь пошёл... Дурной, однако... – Онганча оправдывал свои промахи отсутствием опыта: на его личном счету было всего два медведя, да и то добытых зимой, в берлоге.

В конце концов по его настоятельной просьбе шаман договорился с лесными духами о помощи в деле розыска опасного зверя, и день большой охоты был назначен. Радовало то, что в ней примут участие тунгусы-медвежатники, которые, в отличие от Онганчи, не чурались огнестрельного оружия.

Утром следующего дня предрассветную тишину расколол далёкий ружейный выстрел, многократно приумноженный правой просекой, как тоннелем. Через некоторое время у лесной сторожки появились тунгусы с повизгивающими от возбуждения собаками. Онганча со своими соплеменниками всё же выследил зверя, но взять им его не удалось.

В очередной раз раненый людоед ушёл вниз по ручью, оставляя кровавые следы.

– Большой зверь, однако, – сообщил Никодиму один из тунгусов. – Я стрелял прямо в сердце. Видел, как пуля попала в него. Он лишь проревел и умчался. Мы прошли несколько вёрст по следу, потом потеряли. Надо взять Чингиза, однако. Только он сможет по крови идти. Наши собаки верховые¹⁹.

Желание участвовать в поимке грозного зверя высказали все, включая Серёжу и политических. Андрей Евгеньевич предложил свои услуги в качестве походного врача, а Алексей Дмитриевич – телохранителя, надзирающего за безопасностью мальчика. Только благодаря его заверениям Никодим решился взять ребёнка с собой, поначалу это казалось ему верхом легкомыслия.

Сборы окончательно завершились с прибытием Ивана Дементьева, после чего охотники, взяв своих собак на поводки, повели Чингиза к кровавому следу; тот не подвёл – почуяв запах звериной крови, залился злобным лаем. В ответ вдалеке, на распадке, послышался злобный рык. Пустили собак и сами поспешили за ними. Впереди шествовали Онганча и ещё два тунгуса – один с берданкой, второй с карабином. За ними, в десяти шагах, Никодим с Серёжей и

¹⁹ Есть породы собак, имеющие навыки работы по кровавому следу и используемые на охоте для поиска подранка. Что касается лаек, то они в основном пользуются верхним чутьём и никогда не идут по следу, если специально для этого не обучены.

политические, прикрывали отряд два тунгуса и Дементьев. Двигались, ориентируясь строго на лай собак, который не прекратился даже тогда, когда медведь замолк.

Онганча поднял правую руку, призывая остановиться: похоже, хитрый и опасный зверь устроил засаду, раз перестал рычать, – затаился в ожидании собак и людей. Следовательно, надо соблюдать предельную осторожность.

Некстати внезапно испортилась погода: подул сильный ветер, разгоняя утренний туман, стал накрапывать дождик. Собаки вскоре вернулись, виновато поскуливая: опять упустили зверя. Но Чингиза среди них не было. Тогда Онганча распорядился, чтобы все оставались на месте, в то время как он с двумя охотниками пойдёт дальше.

– Будьте осторожны, однако. Зверь может и сюда нагрянуть.

А зверь в это время, преодолев непролазный ельник, залёг в чапыге²⁰ и зализывал рану, далеко не смертельную – боль его потихоньку отпускала. Медведь слышал лай собак, но не обращал на него внимания: дождь смывал следы, а ветер дул с вражеской стороны. Он чуял дразнящий запах псины, но инстинкт ему говорил: двигаться нельзя, надо затаиться. Тем не менее в нужный момент он подобрался для атаки, когда на него выскочила одна собака: тихо, без лая, лишь рыкнула, почуяв вблизи зверя.

Но она переоценила свои силы – в стремительном прыжке медведь подмял под себя Чингиза. От невыносимой боли пёс громко заскулил, попытался куснуть мохнатую шкуру, так и сяк поворачивая голову, но медведь лишил его и этой, последней, возможности шевелиться – все старания были тщетны. Оставалась надежда только на людей, и тогда Чингиз начал лаять, но этот лай более походил на визгливый скулёж. Потому что с каждым звуком, издаваемым собакой, медведь всё больше и больше придавливал её своей огромной тушей.

Вдруг шею мохнатого чудовища пронзила острая боль, которая заставила его содрогнуться и выпустить Чингиза. Выстрелил Онганча, первым пробравшийся через ельник; с расстояния около пятидесяти метров он прицелился из лука и выпустил тяжёлую зверовую стрелу; она попала медведю в шею и, пробив насквозь, так и застряла в нём. Этого было довольно, чтобы зверь отпустил Чингиза, но недостаточно, чтобы обездвижить его. Не дожидаясь второго бесшумного выстрела, медведь совершил очередной мощный прыжок и скачками ушёл вниз по распадку. Вслед раздались запоздалые выстрелы подоспевших тунгусов.

Онганча присел к поскуливающему Чингизу, наскоро осмотрел и понял, что повреждён хребет: задние лапы не двигались и не реагировали на прикосновения. Судя по кровавой слюне и пене, были задеты и внутренности. «Ай, как нехорошо, однако», – подумал тунгус. Он аккуратно завернул пса в охотничий кафтан-мерэлэн и понёс в лагерь.

Между тем дождь усиливался, смывая следы крови и поднимая примятую траву. Искать в таких условиях медведя не представлялось возможным. Поэтому, посоветовавшись, охотники решили вернуться во владения Никодима, чтобы, переждав непогоду, заняться поисками людоеда заново. В избу тунгусы заходить не стали, поскольку имели в своём распоряжении лёгкое переносное жилище – берестяную урасу.

В другое время Серёжа волчком бы вокруг них вертелся, задавая любопытные вопросы, и даже взялся бы помогать устанавливать жерди, но он был целиком сосредоточен на Чингизе. То, что верный друг оставит его, было делом скорого времени. Серёжа попросил Никодима отнести собаку на край поляны, к обрыву, где он частенько сидел с Чингизом, наблюдая за полётом птиц.

²⁰ Чапыга – частый кустарник, густая молодая поросль леса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.